

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях).

Действующие лица:

Павел I, император.

Александр, сын Павла, наследник.

Константин, сын Павла, великий князь.

Мария Федоровна, императрица.

Елизавета, супруга Александра.

Гр. Пален, военный губернатор Петербурга.

Командиры полков и другие чины военные.

Придворные заговорщики.

действие в Петербурге, от 9 до 12 марта 1801 года.

действие первое

Первая картина

Вахт-парад. Площадь перед Михайловским замком. В глубине – замок и Летний сад. Справа – деревья; караульная будка и шлагбаум, полосатые, в три цвета – красный, черный, белый. Слева – крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянную дверью Раннее зимнее утро. Серое небо. Снег. Вдали слышны барабан и трубы.

Павел; Александр; Константин; Пален, граф, военный губернатор Петербурга; Депрерадович, генерал, командир Семеновского полка; Талызин, генерал, командир Преображенского полка; Яшвиль, князь, капитан гвардии артиллерийского батальона; Мамаев, генерал; Тутолмин, полковник; фельдфебель; солдаты.

Александр и Константин стоят на крыльце, греясь у походной жаровни.

Константин. Зверем был вчера, зверем будет и сегодня.

Александр. Вчера троих засекли кнутом.

Константин. Одних – кнутом, других шпицрутеном. А впрочем, наплевать, все там будем!

Александр. Холодно, холодно, у-у! Рук не согреешь. Намедни генерал Кутузов ухо отморозил, – едва салом оттерли.

Константин. А у немца канабиха штаны примерзли. Одна пара лосин; сам с утра моет; не высохли да на морозе-то и примерзли; чуть с кожей не отодрали; денщик дерет, а немец орет. Ну, да поделом ему, сволочи; как собака на людей кидается; одному солдату ус выщипнул с мясом, другого за нос укусил. А впрочем, наплевать...

Александр. Вороны-то в Летнем саду как раскаркались! Верно, к оттепели. Когда ветер с юга и оттепель, батюшка сердится.

Константин. Нынче не от ветра, чай, а от княгини Гагариной. Вчера поспорились.

Александр. У меня письмо от нее к батюшке.

Константин. Хорошо, что письмо. Коли сердиться будет, отдай. Родинка, родинка – все наше спасение...

Александр. Какая родинка?

Константин. А на правой щеке у княгинюшки. Я думал сперва, мушка; да нет, настоящая родинка, и прехорошенькая...

Александр. Тише, – идет.

Константин. Спрячемся. Авось, не увидит.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Александр (крестьясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Солдаты маршируют. Входит Павел, махая военной тростью.

Павел. Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два!
(Останавливаясь..) Смирно-о!

Из шеренги в шеренгу повторяется команда: «Смирно-о!», «Смирно-о!»

Павел. Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

Павел. Строить фронт захождением взводов! Направо кругом марш!

Солдаты маршируют в противоположную сторону. Барабан.

Павел (махая тростью). Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! Ноги прямо, носки вон! Штык равняй, штык равняй! Ноги прямо, носки вон! Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два!

Павел уходит.

Константин. Гляди-ка, Саша, двенадцать шеренг как равняются. Сам бы король Прусский позавидовал. Ах, черт побери, вот это по-нашему, по-гатчински! А все-таки быть беде...

Александр. А что?

Константин. Аль не заметил, в углу рта жилка играет? Как у него эта жилка заиграет, так быть беде... Я наемни в Лавре кликушу видел – монахи говорят, бесноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упал и забился...

Александр. Что ты, Костя? Неужели батюшка?..

Константин. Тс-с... Идет.

Входит Павел, окруженный свитой: командиры – Преображенского полка Талызин, Семеновского – Депрерадович; артиллерийский полковник, кн. Яшвилъ; военный губернатор Петербурга, гр. Пален, и другие. Солдаты строятся во фронт.

Павел. Преображенского командира сюда!

Талызин подходит к Павлу.

Павел. Сведаль я, сударь, что вашего полка господа офицеры везде разглашают, будто не могут ни в чем угодить. А посему извольте объявить, что легкий способ кончить сие – вовсе их кинуть, предоставляя им всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочет служить, поди прочь – никого не удерживают.

Талызин. Ваше величество...

Павел. Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать. С удивлением усматриваю, что в исправлении должности вашей вы все еще старых обрядов держитесь, кои более четырех лет искоренить стараюсь. Только в передней да пляске обращаться, шаркать по паркету умеете.

Талызин. Государь...

Павел. Молчать! Я из вас потемкинский дух, сударь, вышибу! Туда зашлю, куда ворон костей не заносил!

Павел с Депрерадовичем, кн. Явшилем и прочею свитою, кроме Талызина и гр. Палена, уходят.

Пален. За что это вас, генерал?

Талызин. Солдат не в ногу ступил, а у другого расстегнулась пуговица.

Пален. За пуговицу – вот так штука, не угодно ли стакан лафита! [1]

Талызин. Не служба, а каторга. В отставку – и кончено!

Пален. Да, крутенько, крутенько. А все-таки с отставкой погодите-ка, ваше превосходительство! Такие люди, как вы, нам теперь нужны особенно. (На ухо.) Эта кутерьма долго существовать не может...

Депрерадович вбегает запыхавшись.

Депрерадович. Беда! Беда!

Пален. Что такое?

Депрерадович. В девятой шеренге черт дернул поручика скомандовать вместо «дирекция [2] направо» – «дирекция налево». И пошло, и пошло. Люди с шагу сбились, ошалели от страха, команды не слушают; командиры, как угорелые, мечутся. А государь только кричит: «В Сибирь!»

Пален. Помните, господа, в прошлом-то году Измайловскому полку скомандовал: «Направо кругом марш – в Сибирь!» Так ведь и пошел весь полк к Московской заставе и дальше по тракту – остановили только у Новгорода. Вот и теперь, пожалуй, – прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Депрерадович. Пропали, пропали мы все!

Солдаты маршируют. Входит Павел.

Павел. Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

Константин (на ухо Александру). Жилка-то, жилка, смотри. Ну, теперь только держись!

Александр (крестьясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел. В пятой шеренге фельдфебель – коса не по мерке. За фронт!

Фельдфебеля подводят к Павлу.

Павел. Что у тебя на затылке, дурак?

Фельдфебель (заикаясь). К-коса, ваше величество!

Павел. Врешь! Хвост мыший. Мерку!

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Подают палочку для измерения кос. Мерит.

Павел. Вместо девяти вершков – семь. Букли выше середины уха. Пудра ссыпалась, войлок торчит. Как же ты с этакой прической во фронт явиться смел, чучело гороховое?

Фельдфебель (заикаясь). П-парикмахер...

Павел. Я тебе покажу, сукин сын, парикмахера! Букли долой! Косу долой! Все долой!

Срывает с фельдфебеля парик и топчет ногами.

Павел. Срам! Срам! Срам! Бить нещадно! Двести... триста... четыреста палок! Генерал Мамаев!

Входит Мамаев.

Павел. Извольте, сударь, следить за экзекуцией. Тут же на месте, без промедления. С вас взыщется.

Уходит. Фельдфебеля ведут в экзерциргауз.

Фельдфебель (падая на колени перед Александром). Ваше высочество, тридцать лет в походах! У светлейшего князя Суворова... На штурме Измаила ранен... И как собаку, палками! Уж лучше расстреляли бы!.. Батюшка, смилуйтесь!..

Александр (закрывая лицо руками). Господи! Господи!

Мамаев (толкая ногой фельдфебеля). Ступай, черт, ступай! (Солдатам.) Ну-ка, ребята, живее!

Солдаты втаскивают фельдфебеля в дверь экзерциргауза. Туда же входит Мамаев.

Александр. А ведь он его заперет, Костя?

Константин. Заперет. Скотина прелютая. Отца не пожалеет, только бы выслужиться. Ну, где старику четыреста палок выдержать! Да, жаль... А впрочем, наплевать – все там будем... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорей бы отдал? Авось, подобреет.

Александр. Сейчас.

Входит Яшвиль.

Пален. Что с вами, князь?

Яшвиль. По щеке меня...

Пален. Ай, ай! Вот и кровь. Должно быть, зуб вышиб. Примочку бы, а то распухнет. И за что вас так?

Яшвиль. За цвет мундирной подкладки у нижнего чина... Сего тиранства терпеть не можно! Честью клянусь, он мне за это...

Пален. Не говорите-ка лишнего... А я вам лучше вот что скажу: (отводя Яшвиля в сторону) подлец – кто говорит, молодец – кто делает!

Депрерадович. Господа, глядите: за Тутолминым с палкою гонится между

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
шеренгами. Точно в пятнашки играют. Сюда бегут.

Полковник Тутолмин вбегает.

Тутолмин. Не выдавайте! Убьет!

Перескакивает через шлагбаум и убегает.

Депрерадович (вдогонку Тутолмину). В манеж беги – на сеновале спрячешься.

Константин. Ну, с Богом, с Богом, Сашенька! Вот он – ступай.

Александр. Не подождать ли, Костя? Видишь, с палкой. Прибьет.

Константин. Экий ты, братец, мямля! Чего зевать? Сколько еще народу перепортит. (Подталкивая Александра.) Да ну же. Ступай!

Александр (крестясь). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел вбегает с поднятою тростью.

Павел. Держи! Держи!

Депрерадович. Кого?

Павел. Тутолмин, сукин сын! Где он?

Депрерадович. Здесь нет, государь!

Павел. Врете! Сюда пробежал. Я сам видел.

Депрерадович. Никак нет, ваше величество!

Александр подходит к Павлу и подает письмо.

Александр. Батюшка...

Павел. К черту!

Александр. От княгини Гагариной...

Павел. Давай.

Павел читает письмо. Депрерадович всходит на крыльцо и становится рядом с Константином.

Константин (крестясь). Заступи, Царица небесная! Заступи, Аннушка!

Депрерадович. Кажись, действует.

Константин. Да, лицо просветлело. Усмехается. Ну, слава Богу, слава Богу! Вывезла родинка... Молодец, Аннушка!

Павел. Monseigneur...[3]

Александр. Sire?[4]

Павел. На одно словечко, ваше высочество! Граф фон дер Пален, извольте команду принять. А я сию минуту...

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Все уходят, кроме Константина и Депрерадовича. Павел берет Александра под руку.

Павел. Ты имеешь много благородства в сентиментах, Сашенька, – ты меня поймешь... Ах, зачем, зачем так мало знают люди, что такое любовь, и сколь великое таинство скрывается под сим священным именем...

Отходят.

Депрерадович. А там-то, за дверью, слышите, ваше высочество, экзекуция...

Константин. Да, воет бедняга, как овца под ножом. Изверг Мамайка, должно быть, с него теперь третью шкуру спускает...

Павел. Анна, Анна! Твой образ везде предо мною. Мое сердце бьется и вечно будет биться для тебя одной. Кто из смертных, кто станет рядом с оною женщиною, несравненною в чувствах моих? Никто из земнородных. Бог и она! Понимаешь, друг мой Сашенька?

Александр. Понимаю, батюшка! Ах, чего бы стоила жизнь человек, если бы любовь не услаждала ее бальзамом своим!

Павел. Вот, вот именно – бальзам...

Отходят.

Константин. Спелись, видно. На эти дела Сашка мастер: ему бы актером быть... А тот-то все воет!

Депрерадович. Просто мочи нет, ваше высочество! Отойдемте, ради Христа.

Константин. Нельзя. Батюшка, не дай Бог, увидит, подумает, что мы подслушивали. Теперь мешать ему не надо, пусть наговорится досыта. (Прислушиваясь.) Как будто затих?... Нет, опять пуще прежнего. Тьфу, даже слушать противно!.. А впрочем, наплевать – все там будем...

Павел. Я одарен от природы сердцем чувствительным, Сашенька! Однажды увидел я маленькую фиалку: она стояла подле скалы, покрыта камнями, где ни одна капля росы не освежала ее. И нежная меланхолия обняла мою душу, слеза упала из глаз моих на тот цветочек, и он, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя к Анне...

Барабан. Солдаты маршируют. Входят Пален и прочие командиры. Офицеры на ходу салютуют Павлу эспантонами.

Павел. Молодцы, молодцы! Видишь, Саша, – пробрал их как следует, и подтянулись. Раз-два, раз-два, ноги прямо, носки вон, левой-правой, левой-правой, раз-два! Молодцы! Утешили. Лучше не надо.

Военная музыка.

Павел (махая тростью, напевает).

Ельник, мой ельник,
Частый мой березник,
Люшеньки-люли!

Константин. Ну, «Ельник» запел – значит выгорело. Только бы теперь Саша не мямлил.

Константин делает знаки Александру за спиной Павла.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org

Александр. Осмелюсь ли, батюшка?..

Павел. Говори, братец, не бойся.

Александр. Простите, ваше величество, тех, кто сегодня провинился!

Павел. Прощаю.

Александр. И фельдфебеля...

Павел. Всех.

Александр целует руку Павла и отходит к Константину.

Александр. Скорее, Костя!

Константин. Ну, брат, не поздно ли?

Константин входит в дверь экзерциргауза.

Павел. Граф фон дер Пален! Последней экзерцицией я, сударь, весьма доволен: изрядненько командовать изволили. Благодарю и виновных прощаю. (Командирам.) А если погорячился, сказал что лишнее, так и вы, господа, меня простите. (Солдатам.) Смирно-о! Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются. Музыка стихает.

Павел. Спасибо, ребята!

Солдаты. Рады стараться, ваше величество!

Павел. По чарке вина, по фунту говядины!

Солдаты. Ура!

Солдаты маршируют. Музыка.

Павел (напевает).

Ельник, мой ельник.
Люшеньки-люли!

Уходит. Из двери экзерциргауза – Константин.

Александр. Ну, что?

Константин. Еле дышит. Фельдшер говорит, до завтра не выживет. Я велел в лазарет.

Александр. Господи! Господи!

Слева, из-за стены экзерциргауза, выносят на походных носилках фельдфебеля, покрытого рогожею; справа маршируют солдаты с музыкой и знаменами.

Солдаты. Ура! Ура!

Пален (командирам, указывая на знамена и носилки). Как в древнем Риме: Ave, Caesar, morituri te salutant.[5]

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Константин. Что ты, Саша?

Александр. Оставь...

Александр опускается на ступеньки крыльца, закрывает лицо руками и плачет.

Константин. Вишь, разнюнился! Экая баба!.. (Помолчав.) Ну, перестань, перестань же, миленький Сашенька, голубчик! Не стоит же, право. Наплевать, все там будем!

Александр. Не могу! Не могу! Не могу!

Пален. Поздравляю, господа, с царской милостью: всех простил.

Яшвиль. Он-то простил, да мы...

Пален. Тише, князь! Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше, что я вам сказал давеча: подлец – кто говорит, молодец – кто делает.

Вторая картина

Кабинет Александра в Михайловском замке. В глубине – окно на Летний сад и Фонтанку. Слева – дверь во внутренние покои великого князя; справа – на лестницу, ведущую в покои государя.

Александр; Елизавета, великая княгиня, жена Александра; Павел; Пален.

Александр лежит на канапе с книгой в руках. Елизавета у окна играет на арфе.

Александр. Что это, Лизхен?

Елизавета. Из «Орфея» [6] песнь Евридики. А ты спал?

Александр. Нет, так только, дремлет. Читать темно.

Елизавета. Да, темно. Уж сколько дней солнца не видно. Живем, как в подземелье.

Александр. Что же ты не играешь? Я люблю мечтать под музыку.

Елизавета. Любишь мечтать. Лежать и мечтать...

Александр. Канапе старенький, еще от бабушки, а удобный. Как ляжешь, так бы и не вставал...

Елизавета (глядя в окно). Небо низкое, темное, точно каменное; а деревья, под инеем, белые, как в саване. – Евридика, Евридика под сводами ада... Мужик идет, шапку снял. Удивительно, что люди шапки снимают перед дворцом. На морозе-то сколько, должно быть, простудилось... Ну, а что же Руссо?

Александр. Руссо? Знаешь, я все о нем думаю. Первобытное состояние природы... Ах, для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!

Елизавета. Как старикашка Куракин поет:

Берега кристальной речки.
И пастушка, и овечки...

Александр. Не смейся, Лизанька! Разве не правда, что в простоте природы сердце наше живет чувствует все то, что принадлежит к составу истинного счастья, влияющего благодетельным Существом в сосуд жизни человеческой?..

Елизавета. Влияющего, влияющего... Как ты хорошо говоришь, Саша!

Александр. Ах, единая мечта моя – когда воцарюсь, покинуть престол, отречься от власти, показать всем, сколь ненавижу деспотичество, признать священные Права Человека – les Droits de l'homme, даровать России

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org конституцию, республику – все, что хотят – и потом уехать с тобою, милая, бежать далеко, далеко... Там, на берегах Рейна или на голубой Юре, в пустынной хижине, обвитой лозами, протечет наша жизнь, как восхитительный сон, в объятиях природы и невинности!..

Елизавета. Да, да, в пустынной хижине... А вот кто-то опять без шапки идет, верно, чиновник – шуба с орденом. А кучер в санях двумя руками правит, шапку держит в зубах. Удивительно! А солдат у шлагбаума бьет бабу. Баба плачет, а солдат бьет. Долго, долго. Смотреть скучно. А небо все ниже да ниже... Евридика, Евридика под сводами ада...

Перебирает струны. Молчание.

Александр. О чем ты думаешь? Знаешь, Лизхен, когда ты говоришь, мне все кажется, что ты о другом думаешь...

Елизавета. О другом? Нет. А впрочем, не знаю, может быть, о другом... Ах, струна оборвалась. Нельзя больше играть.

Александр. Поди сюда.

Елизавета (к Александру, подходя). Ну, что?

Александр. Как тебе это белое платье к лицу! Когда ты так стоишь надо мною, светлая, светлая, в сумерках, то как будто Евридика или Психея...

Елизавета. Vous etes trop aimable, monseigneur! [7] А рук не целуйте. Оставьте, не надо. Помните, наемни вы сказали, что мы с вами как брат и сестра? Брат и сестра...

Александр. Но ведь все-таки, Лизхен...

Елизавета. Да, все-таки... А правда, что когда Константин целует руки жене, то ломает и кусает их, так что она кричит?

Александр. Кто тебе сказал?

Елизавета. Она сама. А раньше, будто бы, он забавлялся тем, что в манеже из пушки стрелял живыми крысами?

Александр. Зачем ты, Лизхен?..

Елизавета. Затем, что я не хочу быть Психеей! Слышите, не хочу. Надоело, опротивело... Амур и Психея – какой вздор! (Молчание.) А о бригадирше Лихаревой слышали?

Александр. Не помню.

Елизавета. Деревенька у них под Петербургом. Муж заболел, жена приехала в город за доктором. Государь тоже встретился – кучер не остановил. Бригадиршу посадили на съезжую. От страха заболела горячкою. Муж умер, а жена сошла с ума.

Александр. Ужасно!

Елизавета. Да, ужасно. «А впрочем, наплевать», как говорит ваш братец. Мы ведь все рабы – и тот мужик без шапки, и я, и вы. Рабы... или нет, крысы, которыми Константин заряжал свою пушку. Выстрелит, и что от крыс останется?

Александр. Господи! Господи!

Елизавета. От раздавленных крыс пятно кровавое... Какая гадость... Я, кажется, с ума схожу, как бригадирша Лихарева. Все мы сходим с ума. Лучше не думать... Лежать и мечтать...

Берега кристальной речки,
И пастушка, и овечки...
(Падая на колени и закрывая лицо руками.) Скучно, скучно, скучно,
Сашенька!..

Дверь направо отворяется бесшумно. Входит Павел и останавливается на пороге.

Александр (обнимая Елизавету). Лизанька, девочка моя бедная...

Павел. Амур и Психея!

Александр и Елизавета вскакивают.

Александр. Что это?

Елизавета. Государь.

Павел. Испугались, друзья мои? Думали – привидение?

Александр. Простите, ваше величество! Темно. Я свечой...

Павел. Не надо. (Елизавета хочет уйти.) Куда вы, сударыня? Вы нам не мешаете.

Елизавета отходит к окну.

Павел (взяв книгу). Это что? Руссо. А это? «Брут», трагедия господина де Вольтера. (Читает.)

...Rome est libre.

Il suffit. Rendons grace aux dieux.[8]

Значит: «Царя убили, и слава Богу». – Кто подчеркнул?

Александр. Не могу знать, ваше величество! Книга от бабушки. Не она ли сама изволила?

Павел. Все-то у вас от бабушки, сударь, и сами вы – бабушкин внучек!.. А историю царевича Алексея помните? Вот подлинная трагедия, не то что Вольтеровы глупости! Сын восстал на отца, и отец казнил сына. Помните?

Александр. Помню.

Павел. Ну то-то же! А все-таки перечесть не мешает. Ужо пришло. Кстати, правда ли, что у вас в полку Вольтера почитывают?

Александр. Виноват, государь! Одно только сочиненьице «Кандид». При бабушке отпечатано.

Павел. Опять бабушка!.. У кого найдено?

Александр. Измайловского полка у штабс-капитана Пузыревского.

Павел. Ну и что же?

Александр. Книга в корпусной пекарне сожжена – сделан выговор!

Павел. Что толку выговор от вас, когда и сами вы, сударь, Вольтера читаете? Каков поп, таков и приход. Однако шутки в сторону, наблюдать извольте впредь, дабы из чинов, управлению вашему вверенных, чтением таковым упражняться никто не осмеливался. Понеже слухи до меня доходят, что французскими натуральной системы книгами многие господа военные заражены, по домам ходят в платье партикулярном, фраки и жилеты носят, явно изображая тем развратное свое поведение. Вот каковы, сударь, следствия философической вольности или, лучше сказать, бешенства, коим вводится язва моральная, правила безбожные и возмутительные, буйственное воспаление рассудка, как то показало нам правление богомерзкое во Франции и оные режисиды, изверги человечества, в злодеянии, учиненном над королевскою особою..

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Александр. Батюшка...

Павел. Молчать! Я знаю, сударь, что вы – якобинец, но я разрушу все ваши идеи!.. Да, знаю, знаю все – и то, как бабушкины внучки спят и видят во сне конституцию, республику, Права Человека, а того не разумеют, что в оных Правах заключается дух сатанинский, уготовляющий путь Зверю, Антихристу. О, как страшен сей дух! Никто того не знает, я знаю, я один! Бог мне открыл, и Богом клянусь, искореню, истреблю, сокрушу – или я не буду Павел I!

Александр. Батюшка, я никогда...

Павел. Лжешь! Это кто писал? (Показывает письмо.) Говори, кто?

Александр. Я... но не моя воля...

Павел. А чья?

Александр. Бабушки.

Павел. Чертова бабушка!

Александр. Государь, ваша покойная матушка...

Павел. Да, знаю: мать отца убила и меня, сына, в Шлиссельбург хотела заточить, в тот самый каземат, где некогда страдальца безвинного, Иоанна Антоновича, задавили, как крысу в подполье. Тридцать лет я томился в смертном страхе, ждал яда, ножа или петли от собственной матери и глядел, как она со своими приспешниками, цареубийцами, над памятью отца моего ругается, – глядел и терпел, и молчал... Тридцать лет, тридцать лет!.. Как только Бог сохранил мне рассудок и жизнь?.. И ты был с нею!.. Вот что значат слова сии. Читай: «Всею кровью моею не мог бы я заплатить за все то, что вы для меня сделали и еще сделать намерены». Это значит: меня с престола спихнуть, чтоб тебя...

Александр (падая на колени). Батюшка! Батюшка! Никогда я не хотел... Да разве вы не видите, и теперь не хочу... Отрешите, умоляю вас. Богом заклинаю, отрешите меня от престола, избавьте, помилуйте!..

Павел. Лжешь, негодяй, опять лжешь! (Заносит трость.) Я тебя!..

Елизавета (удерживая Павла за руку). Как вам не стыдно?..

Павел (отталкивая Елизавету). Прочь!..

Елизавета. Рыцарь Мальтийского ордена – женщину?..

Павел (отступая). Да, рыцарь... Вы правы, сударыня! Прошу извинения. Погорячился... Какая вы, однако, смелая! Я и не знал. Психея – и вдруг... Мне это понравилось. Я бы хотел, чтобы так все... Благодарю. Ручку позвольте, ваше высочество. Что? Не бойтесь, не укушу. Я еще не кусаюсь... Ха-ха!

Павел целует руку Елизаветы и кланяется с изысканной вежливостью.

Павел. J'ai l'honneur de vous saluer, madame, monseigneur! [9] Еще раз прошу извинения. (Отходя к двери.) А ведь вы тут надо мною, пожалуй, смеяться будете вдвоем. Амур и Психея?.. Ну что ж, смейтесь на здоровье. Rira bien, qui rira le dernier... [10] А историю царевича Алексея я вам, сударь, все же пришлю. Почитайте-ка, сравните с Брутом!

Уходит.

Елизавета. Шут!

Александр. Тише, тише. Пожалуй, подслушает.

Елизавета (открывая дверь и заглядывая). Ушел.

Пален входит слева.

Пален. Не он, а я подслушивал. Простите, ваши высочества, – по должности военного губернатора...

Елизавета уходит налево. Александр сидит на канаве, опустив голову на руки. Молчание.

Пален. Прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Александр. Знает все?

Пален. Ну, все, не все, а кое-что. Не сегодня, впрочем, так завтра узнает. И тогда пропали мы!

Александр. Что же делать?

Пален. Спешить. Остаются не дни, а часы. Наш план вы знаете: овладеть особой императора, объявить больным и принудить к отречению от престола, дабы передать оный вам. Не от себя говорю, а от сената, войска, дворянства – от всего народа российского, коего желание единственное – видеть Александра императором.

Александр. Принудить? Вы его не знаете: он скорее умрет...

Пален. От жестоких болезней – лечение жестокое: если не отречется, то – в Шлиссельбург...

Александр. Что вы, что вы, граф?..

Пален. Будьте покойны, государь: караул из наших – не выдадут.

Александр. Я не о том, а не хочу, слышите, не хочу, чтобы вы так со мной говорили о батюшке!

Пален. Ах, вот что. Слушаю-с. (Помолчав.) Я знаю теперь, чего вы не хотите, а чего хотите, все-таки не знаю.

Александр. Ничего, ничего я не хочу! Оставьте меня в покое!..

Пален. Бывают случаи, ваше высочество, когда ничего не хотеть – безумно или преступно...

Александр. Как вы, сударь, смеете?..

Пален. Я говорю то, что велит мне должность гражданина и подданного.

Александр (вскакивая и топая ногами, подобно Павлу). Вон! Вон! Не могу я больше терпеть, не могу, не могу... Не хочу быть орудием ваших низостей! Вы – изменник! Никогда не подыму я руки на государя, отца моего! Лучше смерть! Сейчас иду к батюшке, все донесу...

Пален. Ну, мы, кажется, все сходим с ума. Я человек откровенный, ваше высочество, хитрить не умею: что на уме, то и на языке. Говорил с вами прямо и прямо взойду на эшафот! Честь имею кланяться.

Пален уходит. Александр падает на канаве и лежит, уткнувшись лицом в подушку. Входит слева Елизавета.

Елизавета. Ну, что, как? Решили?

Александр молчит, Елизавета обнимает его и гладит по голове.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Елизавета. Мальчик мой, мальчик мой бедненький...

Александр. Не могу, не могу, не могу я, Лизхен!..

Елизавета. Что же делать, Саша? Надо...

Александр (приподнимаясь и глядя на нее пристально). А если кровь?

Елизавета. Лучше кровь, лучше все, чем то, что теперь! Пусть наша кровь...

Александр. Не наша...

Молчание.

Александр. Что же ты молчишь? Говори. Или думаешь, что мы должны – через кровь?..

Елизавета. Не знаю...

Александр. Нет, нет, нет... молчи, не смей... Если ты скажешь, Бог не простит...

Елизавета. Не знаю, простит ли Бог, но мы должны.

Действие второе

Зала в Михайловском замке. Полукруглая колоннада из белого мрамора. Две ниши по бокам – справа со статуей Венеры, слева – Флоры. Три двери: одна в середине – в Тронную; другая справа – во внутренние апартаменты государя; третья слева – в анфиладу зал, которые сообщаются с парадною лестницею. По обеим сторонам средней двери большие, во всю стену, зеркала. Несмотря на множество горящих в люстрах и шандалах восковых свечей, полумрак от густого тумана. Концертный вечер. Издали слышится музыка Гайдна – Чимарозы, Моцарта. Кавалеры – в придворных мундирах, шитых золотом, в пудре, буклях, чулках и шпагах; дамы – в белых, с тонким золотым или серебряным узором, греческих туниках.

Императрица Мария Федоровна, великая княгиня Елизавета, великие князья Александр и Константин – в нише под статуей Венеры. Их окружают фрейлины Щербатова и Волкова, обер-церемониймейстер гр. Головкин, обер-гофмаршал Нарышкин, шталмейстер кн. Голицын, отставной церемониймейстер гр. Валуев, обер-шталмейстер гр. Кутайсов, военный губернатор гр. Пален и другие придворные.

Мария Федоровна. Что это так темно, граф?

Головкин. Туман от сырости, ваше величество! Здание новое, сразу не высушишь.

Елизавета. А мне нравится туман – белый, мутный, точно опаловый – от свечей радуга, и люди – как привидения...

Голицын. И на дворе туман – зги не видать.

Валуев (полуслепой дряхлый старик, говорит шамкая). Деятнадцатый век! Деятнадцатый век! Нынче дни все такие туманные, темные. А в старину, бывало, и зимой-то как солнышко светит! Помню, раз у окна в Эрмитаже стою, солнце прямо в глаза; а покойная государыня подошли и шторку опустили собственными ручками. «Что это, говорю, ваше величество, вы себя обеспокоили?» – А она, матушка, улыбнулась так ласково, – одно солнце там, на небе, а другое здесь, на земле... Отжили, отжили мы красные дни!..

Входит статс-дама гр. Ливен.

Ливен. Извините, ваше величество! Уф, с ног сбилась!.. Присяду.

Мария Федоровна. Что с вами, Шарлотта Карловна?

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org

Ливен. Зablудилась в коридорах да лестницах...

Головкин. Немудрено – сущий лабиринт.

Ливен. Зablудилась, а тут часовые как гаркнут: «Вон!» Прежде «К ружью!» командовали, а теперь: «Вон!» С непривычки-то все пугаюсь. Подхватила юбки и ну бежать – споткнулась, упала и коленку ушибла.

Мария Федоровна. Ах, бедная! Потереть надо арникум.

Константин. А я думал, привидение.

Ливен. Какое привидение?

Константин. Тут, говорят, в замке ходит. Батюшка сказывал...

Мария Федоровна. *Taisez vous, monseigneur. Cela ne convient pas.* [11]

Волкова. Ах, ваше высочество, зачем вы на ночь? Я ужаси как их боюсь...

Нарышкин. О привидениях спросить бы Кушелева: он фармазон – с духами водится. Давеча отменно изъяснил нам о достижении к сверхнатуральному состоянию через пупок...

Голицын. Какой пупок?

Нарышкин. А ежели, говорит, на собственный пуп глядеть да твердить: Господи помилуй! – то узришь свет фаворийский.

Голицын. Чудеса!

Щербатова. Не чудеса, а магнетизм. В Париже господин Месмер [12] втыкает иголки в сомнамбулу, а та не чувствует и все угадывает.

Нарышкин. Есть и у нас тут в Малой Коломне гадальщица...

Валуев. Деятнадцатый век! Деятнадцатый век! Чертовщина везде завелась...

Щербатова. Вы, господа, ни во что не верите, у вас нынче все – «натура, натура». А мне бы хоть одним глазком заглянуть на тот свет, что там такое? *L'inconnu est si seduisant!* [13]

Голицын. Когда умрем, сударыня, времени будет довольно на неосязаемость, душеньки наши набродятся досыта. А пока живы, милее нам здешние «душеньки». [14]

Щербатова. Ну вас, шалун, отстаньте...

Гоф-фурьеры вбегают из дверей справа, машут руками и шикают.

Гоф-фурьеры. Его величество! Его величество!

Все становятся в ряд; дамы приседают, кавалеры кланяются. Музыка играет марш. Павел, под руку с кн. Анной Гагариной, проходит через толпу, едва отвечая на поклоны, и садится рядом с Анной в нише под статуей Флоры.

Павел. Аннушка, моя улыбочка...

Хочет взять руку Анны.

Анна. Не надо, не надо, государь, – увидят...

Павел. Пусть видят! Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, кроме тебя. Ты ошастливила жизнь мою. Только ты, достойнейшая из женщин, могла влить

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
кроткие чувствования в сердце мое, только при взоре твоём родились в нём добродетели, как цветы рождаются при майском солнце. Я хотел бы здесь, у ног твоих, Анна...

Анна. Ради Бога, ваше величество! Государыня смотрит...

Павел. Аннушка, моя улыбочка, отчего ты такая грустная? О чем думаешь?..

Анна. Я думаю... Ах нет, простите, ваше величество... Я не умею. Я только хотела бы, чтобы все знали вас, как я... Но никто не знает. А я не умею... Глупая, глупая... Простите, я не так...

Павел. Так. Аннушка! (Торжественно, поднимая руку и глаза к небу.)
Благодарю, сударыня, благодарю... за эти слова... Знайте, что я, умирая, думать буду о вас!..

Анна. Павлушка, миленький...

Павел. Ах, если бы ты знала, как я счастлив, Анна, и как желал бы сделать всех счастливыми! Каждого к сердцу прижать и сказать: чувствуешь ли, что сердце это бьется для тебя? Но оно не билось бы, если бы не Анна... Да нет, я тоже не умею... тоже глупый, как ты... Ну и будем вместе глупыми!..

Нарышкин (тихо указывая на Павла и Анну). Голубки воркуют!

Головкин. А у княгини-то платье – из алого бархату, точно из царского пурпура.

Голицын. Субретка в пурпуре!

Нарышкин. Будь поумнее, под башмаком бы его держала.

Головкин. И башмаком бы в него кидала, как, помните, Катька Нелидова.

Мария Федоровна и Пален говорят в стороне тихо.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Aber um Gottes willen, mein Lieber[15] Петр Алексеевич, неужели возможно?..

Пален. В России, ваше величество, все возможно. Да вот сами изволите видеть: в «Ведомостях» пишут. (Читает.) «Российский император, желая положить конец войнам, уже одиннадцать лет Европу терзающим, намерен пригласить всех прочих государей на поединке сразиться».

Мария Федоровна. Господи, Господи! На чем же они сражаться будут?

Пален. На мечех или копьях, что ли, как рыцари, бывало, на турнирах.

Мария Федоровна. Рыцари, турниры?.. Aber um Gottes willen, я ничего не понимаю!..

Пален. И я, ваше величество...

Павел (указывая на Марию Федоровну и Палена). А я знаю, о чем они судачат.

Анна. О чем?

Павел. Да уж знаю. Давай-ка их дразнить.

Анна. Ах, нет, ради Бога! И без того ее величество...

Павел. Надоело мне ее величество! Не в свое дело суется. Мозги куриные. Ей бы не императрицею быть, а институтской мадамой! (Вставая.) Пойдем же.

Анна. Ну, зачем, зачем, Павлушка?..

Павел. А затем, что весело, шалить хочется. Мы ведь с тобой глупенькие, а они умные, как же не подразнить их?

Павел подходит к Марии Федоровне. За ним – Анна.

Павел. Votre conversation, madame, me paraît bien animée.[16] О чем беседовать изволите?

Мария Федоровна (дергая потихоньку Палена за край мундира). О новом проекте для Павловска, ваше величество: храм Розы без шипов...

Павел. Только о Розе?

Пален. Начали с Розы, а кончили...

Павел. Шипами?

Пален. Почти что так. Кончили вызовом, который вашему величеству угодно было сделать иностранным государям.

Павел. Ага! Ну и как же вы о сем полагаете, сударыня?

Мария Федоровна. Aber Paulchen, mein lieber Paulchen...[17]

Павел. Извольте говорить по-русски: вы – императрица российская. (Молчание.) Отвечайте же!

Мария Федоровна. Ах, Боже мой, Боже мой... Я, право, не знаю, ваше величество... Мысли мои... so verwirrt![18]

Павел. Ну, а вы, граф?

Пален. В царствование императора Павла I Россия удивила Европу, сделавшись не покровительницею, а защитницею слабых против сильных, утесненных против утеснителей, верующих против нечестивцев. И сия истинно великая, истинно христианская мысль возникла в рыцарской душе вашего величества. Поединок же оный – всему делу венец, воскресение древнего рыцарства...

Павел. Хотите быть моим секундантом, ваше сиятельство?

Пален (целуя Павла в плечо). Недостоин, государь...

Павел. Достойны, сударь, достойны. Вы меня поняли. Да, воскресение древнего рыцарства. Под стягом Мальтийского ордена соединим все дворянство Европы и крестовым походом пойдем против яacobинской сволочи, отродия хамова!

Пален. Помогите вам Бог, государь!

Павел. Не имел и не имею цели иной, кроме Бога. И пусть меня Дон-Кихотом зовут – сей доблестный рыцарь не мог любить дульцинею свою так, как я люблю человечество!.. Да вот беда – хитрить не умею и с господами-политиками частенько в дураках остаюсь. За то себя и казню: любил кататься, любил саночки возить. Справедливость требует сего. Не подданные за государей, а государи за подданных должны кровь свою проливать. И я первый на поединке оном пример покажу.

Молчание.

Павел. А господа политики с носом останутся. Меня думали за нос водить, но, к несчастью для них, у меня нос курнос. (Проводя по лицу рукой.) Ухватиться не за что!..

Молчание.

Павел (быстро оборачиваясь и подходя к Анне, напевает).

Quand pour le grande voyage
Margot plia bagage,

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Des cloches du village
J'entendis la leçon:
Din-di, din-don.[19]
Анна (тихо). Перестань, Павлушка, ради Бога!

Павел. А что?.. Ну, не буду, не буду. Уж очень мне сегодня весело, – так бы и запрыгал, завертелся на одной ножке, император всероссийский, как шалунишка маленький. (Помолчав.) Приметил я, что, когда сей род веселости найдет на меня, то всегда перед печалью.

Покинешь матерню утробу –
Твой первый глас есть горький стон;
И отходя отсель ко гробу,
Отходишь ты, стена, и вон.
Стон и смех, смех и стон. Din-don! din-don!
Мария Федоровна (тихо Палену). Aber um Gottes willen, что с ним такое? Боже мой, Боже... я ничего не понимаю... Пожалуйста, граф, успокойте, развлеките его...

Пален (подойдя к Павлу). Ваше величество, курьер из Парижа, от господина первого консула, генерала Бонапарта.

Павел. Принять, принять!

Адмирал Кушелев подходит к Павлу.

Павел. Наидружественнейшие сантименты господина первого консула... (К Кушелеву.) А ты что, братец, головой качаешь?

Кушелев. Помилуйте, ваше величество, какое же дружество самодержца всероссийского, помазанника Божьего, с оным Бонапартом, проходимцем без роду, без племени, выскочкой, говорят, из той же якобинской сволочи?

Павел. Да ведь и меня, сударь, «якобинцем на троне» зовут.

Кушелев. Клеветники токмо и персональные оскорбители...

Павел. Нет, отчего же? По мне пусть так: представьте, господа якобинцы, что у меня красная шапка, что я ваш главный начальник – и слушайте меня...

Входит курьер Башилов.

Башилов (став на колени и целуя руку Павла). Здравия желаю, ваше величество! От господина первого консула.

Подает письмо.

Павел (читает сперва про себя, потом вслух). «La Russie et la France en tenant aux deux extremités du globe, sont faites pour le dominer».[20] Да, Россия и Франция должны мир пополам разделить. А генерала Бонапарта законным государем мы признать готовы. Нам все равно, кто – только бы государь законный. Угомонились господа французы – и слава Богу! А ведь давно ли, как некий исполин беснующийся, терзая собственную свою утробу и с остервенением кидаясь на других, наводило ужас на Европу сие издыхающее ныне богомерзкое правление. (Башилову.) Ну, а теперь что, как у вас в Париже?

Башилов. Государь, чувствования благоговейные к священной особе вашего императорского...

Павел. Нет, попросту, братец, – не бойся, говори попросту – как тебе показался Париж?

Башилов по знаку Павла встает.

Башилов. Сказать правду, ваше величество, показался мне Париж большим котлом, в котором что-то скверное кипит. Народ все еще – зверь неистовый. И везде надписи, омерзение вселяющие: «Вольность, Равенство, Братство». Церкви пусты, а кабаки да театры битком набиты. Господин первый консул между двух шеренг солдат ходит в Оперу, ложа запирается замками, как тюрьма. Во время Декад – пребольшие парады; сим публичным образом показуется гражданам: «Вот я вас, только пикни!» В годовщину революции праздник устроили на полмиллиона народа. Ночью фейерверки и транспаранты вольности горели всюду, но никто уже не кричал: «Да здравствует вольность!» – а все кричали: «Да здравствует Бонапарт!»

Павел. Молодец! Так их и надо. Завтра же, сударь, назад в Париж с ответом. Уповаем, что в союзе с господином первым консулом, даруя мир всему миру, восстановителями будем потрясенных тронов и оскверненных алтарей... (Кушелеву.) А ты что, сударь, опять куксишься?

Кушелев. Ваше величество, союз с народом безбожным и буйственным, антихристова духа исполненным...

Павел. Заладила сорока Якова! Говорят же тебе, господа французы образумились.

Кушелев. Образумились, нет ли, что нам до них? Россия – первая держава в мире. Когда все другие народы мятутся, пребывает отечество наше покойно, десницею Божьей хранимое. Да не дерзают же равняться с нами оные державы, мыльным пузырям подобные.

Где, где не слышно имя Россов?
Как буря, мир они прошли;
В сто лет победных сто колоссов
Во всех краях им возросли.
А тебе, государь-батюшка, победителю Зверя Антихриста – осанна в вышних,
благословен Грядый [21] во имя Господне! [22]

Павел. За патриотические расположения ваши, сударь, спасибо. А насчет Антихриста не бойся, братец, в обиду не дам!

Патер Грубер подходит к Павлу.

Павел. А, святой отче, Ad-majorem-Dei-gloriam, [23] ты откуда?

Павел и Грубер, разговаривая, отходят в сторону.

Мария Федоровна (тихо палену). Зачем пропустили этого патера? Cela ne conviënt pas. [24]

Пален. Да ведь он, ваше величество, и без пропуска всюду пролезает.

Головкин. Втируша!

Мария Федоровна. И о чем это он с государем все шепчется?

Пален. Должно быть, опять оный прожект о воссоединении церквей.

Мария Федоровна. Какое лицо!..

Пален. Да, рожа скверная: как его ни встретишь – быть худу.

Нарышкин. Зато на все руки мастер: шоколад варит, зубы лечит, фарфор склеивает, церкви соединяет...

Голицын. Новый Калиостро! [25]

Головкин. Черт в рясе!

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Нарышкин. Господа иезуиты все таковы.

Голицын. И с чего они к нам налетели, черные вороны?

Грубер (следуя за Павлом). Ваше величество, в прожекте моем...

Павел. Надоел ты мне, братец, со своим прожектом хуже горькой редьки. Отстань!

Грубер. В Писании сказано: един Пастырь, едино стадо. – Когда соединится власть Кесаря, Самодержца Российского с властью Первосвященника Римского – земное с небесным...

Павел. Отстань, говорю, ну тебя, брысь!..

Грубер. Одно только словечко, государь, одно словечко – и его святейшество сам приедет в Петербург...

Павел. Вот привязался! Ну, на что мне твой папа?

Грубер. Ваше величество, папа – глава церкви...

Павел. Врешь! Не папа, а я. Превыше всех пап, царь и папа вместе, Кесарь и Первосвященник – я, я, я один во всей вселенной!.. Видал ли ты меня в далматике?

Грубер. Не имел счастья, государь!

Павел. Иван! Иван!

Кутайсов подбегает к Павлу.

Кутайсов. Здесь, ваше величество!

Павел. Сбегай-ка, братец, живее, принеси далматик, знаешь, тот новый, ненадеванный. Кстати ж примерю.

Кутайсов. Слушаю-с, ваше величество!

Кутайсов уходит.

Павел. Подобие саккоса архиерейского, древних императоров восточных одеяние, знаменует оный далматик царесвященство таинственное, по чину Мельхиседекову...[26] Как о сем в Откровении-то, помнишь, Григорий Григорьевич?

Кушелев. Жена, облеченная в солнце, родила Младенца мужеского пола, коему надлежит пасти все народы жезлом железным.

Павел. Ну вот, вот, оно самое. Жена – церковь православная, а младенец – царь самодержавный. Се тайна великая. Никто ее не знает, никто, кроме меня!

Кутайсов входит, неся далматик. Павел надевает его перед зеркалом.

Павел. Погляди-ка, Иван, сзади как?

Кутайсов. Сзади хорошо, ваше величество, а с боков будто складочки.

Анна (тихо). Павлушка, миленький, как можно здесь, при всех?.. Смеяться будут...

Павел (тихо). Пусть. Когда в багряницу облекали Господа, тоже смеялись. (Груберу.) Ну что, отче, видишь?

Грубер. Вижу, государь.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org

Павел. И разумеешь?

Грубер. Разумею.

Павел (с внезапным гневом). Да что это, каких мне зеркал повесили? Куда ни посмотрю – лицо все накриво... точно шею свернули... Тьфу!

Кутайсов (бросаясь к зеркалу). Помутнело, должно быть, стеклышко, заиндевело. Вытереть надо суконочкой.

Павел. Оставь! Пойдем в тронную – там лучше зеркало.

Павел, Анна, Грубер и Кутайсов уходят.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Aber um Gottes willen, что же это такое, Петр Алексеевич? Поединок... Бонапарт... папа... далматик... царь-священник... Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!..

Пален. И я, ваше величество! Спросить бы Роджерсона, что ли?

Мария Федоровна. Роджерсона? Лейб-медика? Зачем? Что такое? Граф, граф... неужели вы думаете?..

Пален молча разводит руками; Мария Федоровна также молча всплескивает руками.

Александр (Константину). Что ты?

Константин (прячась за колонну и трясясь от хохота). – О-хо-хо!.. Моченьки нет... лопну... Как он тут, Саша... в далматике-то, перед зеркалом. Поверх мундира, да ряса поповская... Бал-маскарад... Обезьяна... обезьяна в рясе... И лицо накриво... шею свернули... О-хо-хо!..

Александр. Перестань, Костя! Не смешно, а страшно...

Константин. Страшно, да... и смешно. Как во сне...

Головкин. А туман-то, туман, господа, посмотрите. Что это будет?..

Голицын. Того и гляди, подыдемся вместе с туманом и разлетимся...

Елизавета. Привидения! Привидения!

Стук барабана, военные сигналы.

Нарышкин. Господа, слышите?

Голицын. Что такое?

Головкин. Барабан?

Нарышкин. Да, барабан, рожки, трубы... Что за диво? Ведь зорю давно уже пробили.

Голицын. Да это тревога!

Вбегают гоф-фурьеры.

Гоф-фурьеры (Палену). Ваше сиятельство, тревога! Войска во дворце. Сюда идут!..

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Из дверей слева вбегает караульный офицер со шпагой наголо.

Офицер. Где государь?

Пален. Как вы смеете, сударь, в присутствии ее величества, со шпагой?..

Офицер (в дверь). Ребята, за мной!

Солдаты с ружьями наперевес кидаются в залу. Шум, крики, свалка. Слышатся отдельные голоса.

Первый. Где государь? Где государь?

Второй. Что случилось?

Третий. Беда во дворце!

Четвертый. Марш, марш! К знаменам!

Пятый. Куда, черти, прете?

Шестой. Пусти!

Седьмой. Стой!

Восьмой. Я тебя, сукин сын, в морду!

Девятый. Бей! Бей! В штыки их, братцы, изменников!

Женский визг. Задавили! Ой-ой! Помогите!..

Ливен. Государыне дурно!

Мария Федоровна. Бегите, бегите, господа! Спасайте императора! Paulchen, Paulchen!..

Мария Федоровна падает в обморок. Входит Павел. За ним – Анна.

Павел (в дверях). Что это?.. Что это?.. Бунт?..

Офицер (солдатам). Стой, ребята! Государь.

Павел. Смирно-о!

Солдаты, взяв на караул, строятся. Шум стихает.

Павел (Палену). Скажите же, сударь, на милость, что это? Как осмелились?..

Пален. Не могу знать, ваше величество! Должно быть, опять тревога фальшивая, как тогда, в Павловске, от рожка почтового, и здесь, в Петербурге, от бочки пустой...

Павел. Сами вы, сударь, бочка пустая!.. (Наступая на солдат.) Палок! Плетей! Шпицрутенов! Я вас всех!..

Анна (бросаясь к Павлу). Государь!

Павел. Нет, нет, княгиня, оставьте!.. Вы не знаете...

Анна (тихо). Знаю, Павлушка, знаю, миленький, – верные все. Разве не видишь, как испугались?..

Павел. Испугались? (Старому гренадеру.) Чего испугались?

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Гренадер. Так точно, ваше величество, дюже испугались.

Павел. Да чего же, дураки?

Гренадер. Беда, думали, во дворце. На дворе туман, зги не видать. А тут за гауптвахтой тревогу забили, да кто-то из ребят как крикнет: «Беда во дворце!» – так сразу и кинулись. Сами не рады. Черт, видно, попутал, померещилось...

Павел. Ах, дураки, дураки! Ну, что с вами делать?..

Анна (тихо). Прости, Павлушка!

Павел. Точно ли нет между вами изменников?

Гренадер. Государь-батюшка, все слуги верные. Повелеть изволь – умрем за тебя!

Солдаты. Умрем! Умрем!

Павел. Ну, Бог с вами, прощаю.

Гренадер (становясь на колени). Отец ты наш, милостивец! Пошли тебе, Господи! (Крестясь, целует ноги Павла.)

Павел. Что ты, что ты, старик? Этаким бравым солдат, а плачет, как баба.

Солдаты (окружая Павла и становясь на колени). Государь-батюшка, родимый! Благослови тебя, Господи!

Нарышкин, Головкин и Голицын говорят в стороне тихо.

Нарышкин. Посмотрите-ка, что с ними делается!

Головкин. Точно влюбленные.

Голицын. Как на икону крестятся.

Головкин. Царь-священник.

Нарышкин. Не человек, а Бог.

Анна (тихо). Видишь, Павлушка, как они тебя любят!

Павел. Да, любят. Вот бы на что поглядеть господам якобинцам – узнали бы, что крепко сию на престоле. (Солдатам.) Спасибо, ребяташки!

Солдаты. Рады стараться, ваше величество! Ура! ура!

Кушелев (становясь на колени). Осанна в вышних! Благословен Грядый во имя Господне!

Павел (подымая глаза к небу). Не нам, не нам, а имени твоему, Господи!

Елизавета (тихо Александру). Какая мерзость!

действие третье

Библиотека – приемная Павла. Книжные шкафы красного дерева с бронзой. На стенах – виды Гатчины и Павловска. Канapé и кресла, обитые сафьяном. Налево – дверь в парадные апартаменты; направо – через коридор, в кабинет-спальню Павла. В глубине – окно на Нижний Летний сад. У окна маленький столик с бумагами, перьями и чернилами. Полдень. Сперва – луч бледного зимнего солнца; потом – сумерки. Оттепель, мокрый снег хлопьями.

Павел. Мария Федоровна. Александр. Константин. Елизавета. Пален. Роджерсон, лейб-медик. Кутайсов. Аргамаков, плац-адъютант Михайловского замка. Марин, поручик.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Мария Федоровна входит слева, лейб-медик Роджерсон – справа; посередине
комнаты встречаются, почти сталкиваются.

Мария Федоровна. Где он? Где он?

Роджерсон. Не угодно ли будет обождать вашему величеству: государь никого
принимать не изволят, – меня сейчас прогнали.

Мария Федоровна. Aber um Gottes willen, доктор, что случилось?

Роджерсон. Я и сам не знаю. Кажется, во время обычной прогулки верхом по
Летнему саду его величеству дурно сделалось. Обер-шталмейстер Кутайсов
бросился на помощь, но все уже прошло, только молвить изволили: «Я
почувствовал, что задыхаюсь», – вернулись домой.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Господи, Господи, что ж это такое?..

Роджерсон. Не извольте беспокоиться, ваше величество! Даст Бог, все
обойдется. Маленький припадок удушья. Должно быть, действие оттепели. Надо
бы кровь пустить. Ну да. Бог даст, и так обойдется.

Мария Федоровна. Ах, нет, нет, разве вы не видите, – он болен, не спит, не
ест и все такой грустный... Я не знаю, что с ним... Гляжу на него, и сердце
болит... и страшно, страшно...

Из дверей слева – Александр и Константин. Подходят к Марии Федоровне и
целуют у нее руку.

Мария Федоровна. Слышали, дети, государь болен?

Константин. Государь болен, а мы под арестом.

Мария Федоровна. Под арестом? За что?

Константин. Бог весть. Сейчас водили в церковь присягать.

Мария Федоровна. Кому? Зачем?

Константин. Государю императору Павлу I. А зачем – неизвестно. Должно быть,
усомнились в первой присяге. Только отчего вторая лучше первой – опять
неизвестно.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Боже мой, Боже мой, я ничего не
понимаю!

Входит Пален.

Пален. И я ничего не понимаю.

Мария Федоровна. Граф! Наконец-то...

Пален. Извините, ваше величество, я к государю.

Мария Федоровна. Нет, нет, постойте, вы нам должны объяснить. Ради Бога...

Пален. Я уже имел честь докладывать вашему величеству: я ничего не понимаю.

Мария Федоровна. Петр Алексеевич, Петр Алексеевич... Я хочу знать, слышите, я
хочу знать все... Я вам приказываю... Мы здесь все вместе, одни, и можем
обсудить на семейном совете...

Пален. Какой уж тут совет семейный!.. А впрочем, одну минутку, ваше
величество. (Говорит в дверь направо.) Поручик Марин, вы? Ну, ладно.
Смотрите же, сударь, от дверей ни на шаг, и если кто пройдет, доложить
извольте немедленно. (Возвращаясь – к Марии Федоровне.) Итак, вашему
величеству угодно?.. (Роджерсону.) Куда вы, господин доктор, подождите,

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
сделайте милость: вы нам нужны, вы нам теперь нужнее, чем кто-либо.

Роджерсон. Даст Бог, все обойдется.

Пален. Кажется, без вас не обойдется.

Мария Федоровна. Да говорите же, говорите, граф, что такое?..

Пален. А то, ваше величество, что надо быть готовым ко всему. Мы объявляем войну пяти-шести европейским державам.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Herr Jesu! [27] Пяти – шести...

Пален. Да. Сколько именно, я, признаться, и счет потерял. А когда доложить осмелился, не много ли будет, то ответить изволили: «Сколько бы мух ни жужжало у меня под носом, я их гоню». – Но нам Европы мало, нужно и Азию; поход на Индию...

Мария Федоровна. На Индию!

Пален. Да, по следам Александра Македонского, к священным водам Инда. Двадцать тысяч Донских казаков уже выступило к Оренбургу и далее, по степям неведомым, без обоза, без продовольствия, без дорог и даже без маршрутов. Велено завоевать Индию – и завоеюем.

Мария Федоровна. Граф, граф... aber um Gottes willen... что вы говорите? Может ли быть, чтобы мы ничего не знали?

Пален. Я и сам не знал до последней минуты и, чай, многого еще не знаю.

Мария Федоровна. Господи, Господи... что же будет?

Пален. А будет, полагаю, то, что англичане Индию даром отдать не согласятся и пожалуют к нам в гости. Не сегодня-завтра флот их появится у наших берегов и начнет бомбардировать сперва Кронштадт, а потом и Петербург.

Мария Федоровна. Петербург! Herr Jesu!

Пален. Да, и мы погибли – погибла Россия.

Мария Федоровна (всплескивая руками). Господи, Господи... что же делать?

Пален. Делать нечего, ваше величество, – погибать, так погибать.

Мария Федоровна и Пален говорят тихо.

Константин (Александр, кивая украдкой на Палена). Прехитрая бестия!

Александр. А что?

Константин. Разве не видишь, к чему клонит?

Александр. К чему?

Константин. А к тому, что батюшка спятил.

Александр. Что ты, Костя!

Константин. Ну да, а то как же? И знаешь, Саша, ведь, может быть, и вправду... Голова-то у него умная – умнее, пожалуй, всех наших голов, да есть в ней машинка, на одной ниточке держится, – а как порвется эта ниточка – машинка завернется – и капут!

Александр. Страшно...

Константин. Да, страшно... А впрочем, наплевать – все там будем...

Мария Федоровна (тихо Палену). Как? Как? Повторите.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Пален. Я вижу, говорит, что пора нанести великий удар.

Мария Федоровна. Великий удар? Что ж это значит?

Пален. Не знаю, ваше величество, подумать боюсь...

Мария Федоровна (всплескивая руками). Ах, понимаю, я теперь все понимаю. Он хочет меня и нас всех... Боже мой! Боже мой!.. Так вот, что значит... «Ежели, говорит, сударыня, вы Екатерина II, то я вам не Петр III». Я тогда не поняла, а теперь... теперь... Да ведь это значит, что я хочу его... Herr Iesu! Это я-то, я... Paulchen, Paulchen!

Плачет. Входит поручик Марин.

Марин. Государь император!

Все ждут в оцепенении. Входит Павел и, остановившись в дверях, со шляпой на голове, с тростью под мышкой, скрестив руки, тяжело переводя дыхание, глядит на всех молча. Потом подходит по очереди к Марии Федоровне, Александру, Константину и Палену, останавливается перед каждым из них и глядит в упор. Наконец возвращается к двери, вдруг, на пороге, обернувшись, высовывает язык и, громко хлопнув дверью, уходит. Мария Федоровна падает в обморок. Роджерсон приводит ее в чувство. Входит Кутайсов слева, Марин туда же уходит.

Мария Федоровна. Что это было? Что это было?

Роджерсон. Ничего, ваше величество! Даст Бог, все обойдется. Не угодно ли водицы?

Константин (тихо Александру). Машинка завернулась.

Пален. Ну что, как вы полагаете, доктор?

Роджерсон. А что, граф?

Пален. Как что? Да вот что тут было сейчас?

Роджерсон. Ничего не было.

Пален. А язык?

Роджерсон. Ну, мы, доктора, к этому привыкли: все пациенты нам язык показывают.

Мария Федоровна. Что это было? Что это было?

Пален. Ничего не было, по мнению господина доктора, нам померещилось. Мы все, должно быть, сходим с ума – прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Мария Федоровна. Доктор! Доктор! Ступайте же к нему скорее!

Роджерсон. Ваше величество, меня и давеча прогнали, да чуть не прибили. Пусть уж лучше кто-нибудь другой...

Мария Федоровна. Граф!

Пален. Нет, слуга покорный, я в сражениях бывал и ядрам не кланялся, а туда не пойду, – воля ваша, сударыня, хоть казните.

Мария Федоровна. Александр! Константин!

Константин. Да ведь мы, матушка, под арестом – куда уж нам!

Кутайсов. Ваше величество, дозволейте, я...

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Мария Федоровна. Ах, mein lieber[28] Иван Павлович, ради Бога!

Кутайсов. Ничего-с, ничего-с, будьте благонадежны, ваше величество! Кстати обедать пора – доложить и попробуем. Малой мышки лев не обидит: я мышкою-с, мышкою-с. Вот так, потихоньку, потихонечку...

Уходит.

Константин (приотворяя дверь и заглядывая). Подкрался. – Слушает. – В щелку глядит. – Скребется. – Отперли. – Вошел. – Ну, что-то будет?

Молчание.

Константин. Вышел!

Входит Кутайсов.

Кутайсов. Премилостивы. После дождика – солнышко-с...

Константин. Идет! Идет!

Входит Павел.

Павел (с изысканною любезностью, целуя руку Марии Федоровны). Прошу извинения, ваше величество, – к обеду ждать заставил – что-то аппетита нет. Вы уж, господа, не взъщитесь, без меня за стол садиться извольте, а я уже подойду.

Молчание.

Павел. Да что это вы все, как в воду опущенные? Напугал я вас, видно, давеча моею шуточкой? Ну, не буду, не буду. Пошутил – и довольно... (Марии Федоровне.) А скажите-ка, сударыня, ведь и я человек?

Молчание.

Павел. Ну, что ж? Отвечайте, коли спрашивают – человек или нет?

Мария Федоровна. Человек, ваше величество...

Павел. А если человек, так, значит, могу ошибаться. И вы – человек?

Мария Федоровна. И я...

Павел. Ну, так значит, можете простить. – Простите же меня, сударыня... И вы все, господа, если я в чем...

Все (наперерыв). Ваше величество!.. Ваше величество!..

Мария Федоровна (всплескивая руками). Paulchen!.. Paulchen!..

Плачет и хочет броситься на шею Павла.

Павел (отстраняясь). Ну, ну, перестаньте! Что за комедия! Терпеть не могу...

Молчание.

Павел. Граф Пален, у меня к вам дело. А вас, господа, не задерживаю..

Все, кроме Павла и Палена, уходят.

Павел. Доклад, сударь, готов?

Пален. Так точно, ваше величество!

Подходят к столику у окна.

Павел. Прошу садиться.

Пален хочет сесть спиной к свету.

Павел (указывая на другой стул, против себя). Нет, лицом к свету. Когда я с кем говорю, то привык смотреть прямо в лицо, сударь, слышите, – прямо в лицо!

Пален. Слушаю, ваше величество!

Павел. Ну, то-то же. Извольте докладывать.

Пален. По указу вашего императорского величества, два курьера отправлены..

Павел. Что вы делаете, граф, когда не спится?

Пален. У меня, государь, сон – слава Богу.

Павел. Счастливец! Значит, совесть покойна.

Пален (продолжая доклад). Курьер к его величеству королю Прусскому..

Павел. А дурные сны бывают?

Пален. Намедни снился..

Павел. Что?

Пален. Безделица сушая: будто я – куколка такая, что никак не повалишь – упадет и встанет..

Павел. Ванька-встанька? да это сон превеселый.

Пален. Нет, государь, скучный: упал и встал, упал и встал – так всю ночь и промаялся.. (Продолжая доклад.) Королю Прусскому предписание княжество Ганноверское войсками занять в двадцать четыре часа..

Павел. А мне хуже снилось: будто бы кафтан парчовый натягивают, узкий-преузкий – никак не влезу, а все тискают – так сдавили, чтодохнуть не могу. Закричал и проснулся. С тех пор и бессонница..

Пален (продолжая доклад). Другой курьер – в Париж, к господину первому консулу..

Павел. Печку – льдом! Печку – льдом!.. Вот дураки..

Пален. Печку льдом?

Павел. Ну, да. Головой к печке сплю. Велел топить не жарко, а чтобы в спальне – ровно четырнадцать градусов. Пощупаю, бывало, печку – холодна; посмотрю на градусник – четырнадцать; и сплю. А намедни проснулся – горячехонька. Ничего не сказал, только на другой день встал пораньше из-за ужина да прямо в спальню, гляжу – по всему полу рогожи, и печку льдом

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
натирают: стынет до ночи, пока не пощупаю, а за ночь опять нагревается.
Шуты гороховые! А все на меня валят – говорят: «С ума сошел!» А я тут при
чем, сударь, а? При чем тут я?

Пален. Ни при чем, государь!

Павел. Ну то-то же! Извольте, сударь, докладывать.

Пален (продолжая доклад). В случае неисполнения королем Прусским
предписания, господин первый консул приглашается...

Павел. А скажите-ка, граф, в тысяча семьсот шестьдесят втором году, когда
государя, отца моего, убили, вы где быть изволили?

Пален. Здесь, в Петербурге, ваше величество!

Павел. Здесь? И что же делали?

Пален. Был молод и в чинах малых. Конной гвардии субалтерн-офицером, [29]
ничего не знал про заговор...

Павел. Не знали тогда?.. Ну, а теперь знаете?

Оба встанут и молча долго смотрят друг другу в глаза.

Павел. Отвечайте же, сударь! Знаете или не знаете, что меня убить хотят?

Пален. Знаю, государь!

Павел. Знаете... и молчите?..

Пален. Ваше величество, я сам во главе заговорщиков...

Павел. Вы?.. вы?.. что такое?.. (Отступая в ужасе.) Сумасшедший!..

Пален. Никак нет, государь, я в совершенном рассудке...

Павел. Так я... я... что ли, я с ума сошел?.. Печку – льдом!..

Пален. Государь, умоляю, минуту спокойствия. Если бы я не был уверен, что
ваше величество обладает мудростью высочайшею, не столь человеку, сколь
Божеству присущую...

Павел (топая ногами в ярости). Да говорите же, говорите, черт побери, что,
что, что такое?..

Пален. Дело столь явное, что и говорить почти нечего: я – во главе
заговорщиков, дабы знать все, следить за всем и тем вернее охранять от
покушения злодейского священную особу вашего императорского величества. И
слава Богу, уже все нити заговора в моих руках: шагу не сделают, слова не
вымолвят, чтобы я не узнал.

Павел. Умны, сударь, слишком умны, так умны, что с ума свести можете...
Ванька-встанька!.. Да как же вы смели не донести мне тотчас же?

Пален. Сколько раз хотел, уже слово было в устах моих. Но, не имея улики
достовернейших, – коих и вы, ваше величество, еще не имеете?.. (Пристально
глядит на Павла.) Не имея оных улик и милосердствуя, – простите, государь,
слово сие из недр души болящей исторгнуто, – милосердствуя к вам, щадя
сердце родительское, я медлил – и в том вина моя единственная; видит Бог,
мочи моей не было, мочи моей нет и сейчас сказать отцу, что сын его
возлюбленный, первенец...

Павел. Александр!..

Пален. Да, государь-наследник – отцеубийца мысленный...

Павел. Сгинь, сгинь, пропади!.. Никогда не поверю я, чтоб Александр...
Александр... дитя мое, мальчик мой милый!..

Пален. Я полагал, что ваше величество знать изволит более. (подавая бумагу.) Вот список заговорщиков: их высочества, оба сына ваши, обе невестки, ее величество и почти все командиры полков, министры, сановники...

Павел (читая). Все, все, все!.. За что, Господи?.. Что я им сделал?..

Пален. Я знал, государь, сколь тяжело...

Павел. Ох, тяжело!.. Тяжко!.. Тяжко!.. Уж лучше бы сразу убили!..

Падает на стул и закрывает лицо руками. Молчание.

Павел (вскакивая). Сию же минуту всех – в кандалы, в Сибирь, в каторгу!.. А его... Александра... его... расстрелять!..

Пален (вскакивая). Ваше величество, взять под арест всю царскую фамилию без явных улик – ни у кого рука не подыметься, я не найду исполнителей. Сим возмутить можно всю Россию, не имея через то еще верного средства спасти особу вашего величества...

Павел. Так что же?..

Пален. Одно из двух, государь: или казнить меня извольте тотчас, как изменника, или доверьтесь мне совершенно...

Павел. Не многого, сударь, хотите! Ну, а если вы?..

Пален (встав на колени и подавая шпагу). Пронзите, ваше величество, сердце, пламенеющее верностью, – и с блаженством умру здесь, у ног моего государя!

Павел кладет обе руки на плечи Палена, наклоняется к нему и смотрит в глаза долго.

Павел. Лжет?.. Нет... Так лгать нельзя... А если лжет, то не человек, а дьявол, дьявол, дьявол!..

Пален. Ваше величество!..

Павел. Ну, прости... Верю.

Обнимает и целует Палена, потом отходит к столу и сидит молча, опустив голову на руки.

Пален (вставая). Угодно вашему величеству знать?

Павел. Нет, нет... Потом... Будет с меня!.. А теперь говори скорее, что делать.

Пален (подавая бумагу). Вот указ, на сей случай мною приготовленный: государя-наследника – в Шлиссельбург, великого князя Константина Павловича – в крепость, ее величество – в Архангельск, великих княгинь – по монастырям отдаленнейшим.

Павел. Подписать?

Пален. Токмо указ оный за вашу подпись в руках имея, действовать могу без промедления.

Павел подписывает.

Павел. Еще что?

Пален. Из покоев государыни в спальню вашего величества двери забить

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
наглухо.

Павел. Велел сегодня. Еще?

Пален. Кавалергардского полка офицеров со всех караулов снять.

Павел. Что вы, сударь? Налгали вам: ребята верные – я их всех знаю...

Пален. Ежели, ваше величество, лучше знать изволите...

Павел. Ну, ладно, ладно – делай, как знаешь... Надоело... Устал я что-то...
(Зевает.) О-хо-хо-шеньки... Только бы выспаться... Ну, все что ли?

Пален. Все... Виноват, государь, – еще одно...

Павел. Кончай-ка, братец, скорее!.. Говорю, надоело...

Пален. Давеча курьер задержан в Гатчину с подложным указом...

Павел. Аракчееву? Где? Покажи!

Пален подает указ.

Павел. Да это подлинный. Разве не видишь – моя рука?

Пален. Вижу, государь, что генерал Аракчеев, враг мой злейший, на место мое
назначается военным губернатором, дабы истребить меня, – вижу и глазам
своим не верю...

Павел (разорвав указ). Верить теперь?

Пален. Верю.

Павел. Ну все?

Пален. Все.

Павел. Когда?

Пален. Завтра или в сию же ночь.

Павел. Опять не спать?

Пален. Почивать извольте с Богом, я за вас не сплю.

Павел. Спасибо, друг... Ну, торопись, чай, – дела много. Ступай!

Пален, поцеловав руку Павла, отходит к двери.

Павел. Подожди.

Павел идет к Палену и опять, как давеча, положив обе руки на плечи его,
смотрит ему в глаза.

Павел. Петр Алексеевич... Петр, любишь ли ты меня?..

Пален. Люблю, государь...

Павел. Любишь?

Пален. Ваше величество, вы сами знаете: у меня только Бог да вы. Я душу мою
положу за вас!

Павел. Душу твою за Меня положишь? – сказал Господь Петру – и петух
пропел...[30] Ну, прости... Верю, больше верить нельзя. Дай перекрещу... Помогите

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org тебе, Господи... (Крестит, обнимает и целует Палена.) Ну, с Богом, с Богом!

Пален уходит. Павел опускается в кресло, откидывается головой на спинку, закрывает глаза и дремлет. Входит Кутайсов на цыпочках.

Павел (просыпаясь и вздрагивая). Кто? Кто?

Кутайсов. Я, ваше величество, я, Иван.

Павел. А, Иван... Ванька-встанька... Вот напугал... И чего ты все мышью крадешься?..

Кутайсов. Я потихоньку, потихонечку... разбудить боялся...

Павел. Да, вздремнул. Так-то вот днем все дремлет, а по ночам не сплю. А знаешь, Иванушка, ведь нас убить хотят...

Кутайсов. Что вы, что вы, ваше величество!..

Павел. А небось, ежели меня убивать будут, так вы все разбежитесь. Поражу пастыря – и рассеются овцы. И ты, Иванушка, ты первый – мышкою-с, мышкою-с...

Кутайсов. Ваше величество...

Павел. Ну, что мое величество? Струсил, а? Полно. Чего трясешься? Пошутил, а ты и поверил, дурак... Не бойся, брат, мы еще с тобою долго будем жить, поживать, печку льдом натирать.

Кутайсов. Не я, государь, видит Бог, не я...

Павел. Не ты, так я. Оба мы с тобою, видно, Иванушки дурачки. Ступай-ка, доложи княгине Анне, что сейчас буду.

Кутайсов идет к дверям направо.

Павел. Постой.

Пишет письмо, запечатывает и отдает.

Павел. Курьеру в Гатчину к генералу Аракчееву. Явиться немедленно. Скакать во весь дух, чтоб к ночи был здесь. Да никому о том не говори, – никому, слышишь? – ни даже графу Палену. Головой отвечаешь!

Кутайсов. Будьте благонадежны, ваше величество, – я потихоньку, потихонечку!

Кутайсов уходит. Павел опять, как давеча, опускается в кресло, откидывается головой на спинку и закрывает глаза. Потом встает, медленно идет к двери направо, зевает и потягивается.

Павел. О-хо-хошеньки!.. Спать, спать, спать!..

Павел уходит направо. Из двери слева входят Пален и полковник Аргамаков.

Пален. По всем городским заставам и шлагбаумам приказание разослать извольте наистрожайшее, дабы никого в сию ночь не пропускали ни в город, ни из города.

Аргамаков. Слушаю-с.

Пален. Смотрите же, сударь, если, не дай Бог, пропустят Аракчеева...

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org

Аргамаков. Будьте покойны, ваше сиятельство!

Пален. Ну, ступайте. А что же наследник?

Аргамаков. Докладывал. Будут сейчас. Да вот и они.

Аргамаков уходит налево. Оттуда же входит Александр.

Александр. Что такое?

Пален (подавая указ). Извольте прочесть, ваше высочество: указ об аресте вашем и всей царской фамилии.

Александр читает и, чтобы не упасть, хватается за спинку кресла.

Пален (поддерживая Александра). Дурно вам, государь?

Александр. Ничего... Пройдет... (Опускается в кресло.) Я так и знал.

Пален. Еще не все.

Александр. Что же еще?

Пален. Государь сказать изволил...

Александр. Говорите – мне все равно.

Пален. Сказать изволил о вашем высочестве: «Расстрелять его!»

Александр закрывает лицо руками. Молчание.

Александр (опуская руки, тихо). Ну, что ж. Один конец. Так лучше...

Пален. Лучше?

Александр. Лучше я, чем он.

Пален. Не вы одни, но и ваша супруга, матушка, братья, сестры, мы все – вся Россия, вся Европа. За всех перед Богом ответите вы...

Александр. Я?

Пален. Да, вы можете...

Александр. Что я могу?

Пален. Спасти себя и всех.

Александр. Да ведь завтра же...

Пален. Завтра мы погибли, но эта ночь наша. Он поверил мне...

Александр. Поверил, что вы...

Пален. Что я во главе заговора, чтобы предать вас...

Александр. И предали?

Пален. Предал, чтобы спасти...

Александр. Да, вот как. Меня – ему, а его – мне. Но в конце-то, в конце, граф, кого же вы предадите – меня, его или обоих?

Пален. Решать извольте сами.

Александр. Мне все равно.

Молчание.

Пален. Ваше высочество, я человек терпеливый, но есть конец и моему терпению...

Александр. Угроза?

Пален. Мне ли грозить? Я и сам на волосок от гибели...

Александр. А скажите-ка, Петр Алексеевич, вы когда-нибудь плакали?

Пален. Что за вопрос? В младенчестве плакал.

Александр. А потом – теперь?

Пален. В мои годы люди редко плачут.

Александр. Не плачете, зато смеетесь. У вас на лице всегда усмешка. Вот и сейчас...

Пален. Сейчас, кажется, смеяться изволите вы. Ну что ж, воля ваша. Я ношу сию шпагу не даром, но отвечать вам не могу, государь...

Александр. Какой государь! Приговоренный к смерти...

Пален. Ужо успеете плакать, а теперь позвольте же и мне поплакать – я ведь тоже умею, хотя вы и не верите... Завтра вы – государь или ничто, но сегодня – человек. Сегодня мы все – люди – и я, и вы, и он...

Александр. Да, и вы – человек...

Пален. Ну, так как же вы думаете, легко человеку вынести то, что я вынес, когда он тут сейчас обнимал меня, целовал, называл своим другом, благодарил за верность и сам доверился мне, как дитя малое?

Александр. Для кого же вы, сударь, стараетесь?

Пален. Для себя, для вас.

Александр. Благодарю покорно.

Пален. Поверили?.. Как вы людей презираете, ваше высочество!.. Нет, не для себя и не для вас, а для России, для Европы, для всего человечества. Ибо самодержец безумный – есть ли на свете страшилище оному равное? Как хищный зверь, что вырвался из клетки и на всех кидается.

Александр. Как вы его ненавидите!

Пален. Ненавижу? За что? Разве он знает, что делает? Сумасшедший с бритвою.. Не его, Богом клянусь, не его, безумца, жалости достойного, я ненавижу, а источник оного безумия – деспотичество. Некогда вы говорить мне изволили, ваше величество, что самодержавную власть и вы ненавидите и что гражданскую вольность России даровать намерены. Я поверил тогда. Но вы говорили – я делаю. А делать труднее, чем говорить...

Александр. Петр Алексеевич...

Пален. Нет, слушайте – уж если говорить меня заставили, так слушайте! Я думал, что Господь избрал нас обоих для сего высочайшего подвига – возратить права человеческие сорока миллионам рабов. Вижу теперь, что ошибся. Не мы с вами – орудие Божьих судеб. Рабами родились и умрем рабами. Но не знаю, как вы, а я – пусть я умру на плахе – я счастлив есмь погибнуть за отечество и на Божий суд предстану с чистою совестью, – я сделал, что мог...

Александр. Петр Алексеевич, простите...

Пален. Ваше высочество!..

Александр. Я виноват перед вами – простите меня...

Пален. Вы... вы?.. Нет, я... ваше высочество... ваше величество!

Становится на колени.

Александр. Что вы, что вы, граф? Перестаньте...

Пален. Да – ваше величество! Отныне для меня государь император всероссийский – вы, и никто, кроме вас... Ангел-избавитель отечества, Богом избранный, благословенный!..

Целует руки Александра.

Александр. Нет, нет, вы не поняли...

Пален. Понял все...

Александр. Да нет же, нет, слышите – нет, я не хочу!..

Пален. Не хотите? Ну что ж, так я за вас... Я один!.. И никто никогда не узнает. Пусть думают все, что я, а не вы... Пропадай моя голова, только бы вам спастись!..

Александр. Не надо, не надо! Ради Бога, граф, обещайте, клянитесь...

Пален. Клянусь, что сделаю все, что в силах человеческих, чтобы этого не было. Но не говорите больше... Кончено, кончено!.. Слава Богу – спасена Россия! (подавая бумагу.) Только подписать извольте – и кончено.

Александр. Что это?

Пален. Манифест об отречении императора Павла и о восшествии на престол Александра.

Александр долго и молча смотрит на Палена.

Александр. Подписать?

Пален. Да.

Александр. Кровью?

Пален. Зачем кровью? Чернилами.

Александр. А я думал, – договор с дьяволом – кровью...

Пален. Опять смеяться изволите...

Александр. Нет, не я, а вы... опять... (Вскакивает, комкая бумагу и бросая на пол.) Прочь! Прочь! Прочь!.. Дьявол!.. (Падает в кресло, плачет и смеется, как в припадке.) Уходите, оставьте меня!.. Господи!.. Господи!.. Что вы со мною делаете!.. Не могу! Не могу! Не могу!..

Пален (подавая воды). Успокойтесь, ради Бога успокойтесь, ваше высочество... Водицы испейте...

Александр. Уходите! Уходите! Оставьте меня!..

Пален. Уйду – только не кричите же так, ради Бога... услышат...

Пален (отойдя к двери и глядя на Александра – тихо, с презрением).

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Прескверная штука, не угодно ли стакан лафита, – ребенок, женщина!

Александр. Петр Алексеич...

Пален не отвечает.

Александр. Петр Алексеич!

Пален. Государь!

Александр. Ну, давайте же...

Пален. Что?

Александр. Подписать.

Пален (стремительно бросаясь и подбирая с пола бумагу). Вот! Вот!

Александр подписывает.

Пален. Уф! (Вытирает пот с лица.) Ну, а теперь...

Александр. Нет, нет!.. Уходите!.. Уходите!.. Уходите!.. Оставьте меня ради Бога!..

Пален. Ушел, ушел... только ручку позвольте, ручку, коей спасено отечество!

Пален целует руку Александра и уходит. Александр сидит в кресле, точно так же, как давеча Павел, откинувшись головой на спинку и закрыв глаза. Входит Елизавета.

Елизавета. Саша? (Молчание.) Ты спишь, Саша?

Александр. Нет.

Елизавета. Тут был Пален?

Александр. Был.

Елизавета. Молчи, молчи... не надо... Я знаю... (Становясь на колени и целуя руки Александра.) Саша, Саша, мальчик мой бедненький!..

Александр. Все равно. (Молчание.) «Несть бо власть еще не от Бога».[31] Это нам поп говорил давеча в церкви, когда присягали. Ну, а если государь – сумасшедший, власть тоже от Бога? Сумасшедший с бритвою. И бритва от Бога? Хищный зверь, что вырвался из клетки... И царство зверя – царство Божье? Ничего понять нельзя...

Елизавета. Это я, Саша, я!.. Я тебе сказала, что мы должны...

Александр. Должны – и не должны. Надо – и нельзя. Нельзя – и надо. Кто ж это так сделал? Бог, что ли, а?.. Ты веришь в Бога, Лизхен?

Елизавета. Господи, Господи!.. Это я, я...

Александр. Ты? Нет, не ты и не я. Никто. И все. Ничего понять нельзя. А может быть, и не надо... ничего не надо... ничего нет... и Бога нет?..

Елизавета. Не говори так... Страшно, страшно...

Александр. Все равно.

Действие четвертое

Первая картина

Собрание заговорщиков в квартире генерала Талызина, в Лейбкампанском корпусе Зимнего дворца.

Столовая – большая низкая комната, казарменного вида, со сводами и голыми выбеленными стенами. По стенам – портреты царских особ, портрет во весь рост императора Павла I в порфире, в короне, со скипетром. В глубине – дверь на лестницу. Слева – дверь во внутренние комнаты, канапе и кафельная печка. Справа – два окна на Неву и Петропавловскую крепость; оттуда иногда слышится бой курантов. Посередине комнаты – большой накрытый стол со множеством бутылок; между окнами – меньший стол с водками и закусками.

Ночь. Шандалы с восковыми свечами. Только что кончили ужинать. Одни сидят еще за столом и пьют, другие, стоя, разговаривают кучками. Заговорщиков более сорока человек: все – военные. Тесно, душно, накурено.

Гр. Пален, военный губернатор Петербурга; Талызин, командир Преображенского полка; Депрерадович, командир Семеновского полка; Бенигсен, Тучков – генералы; Зубовы – Платон, Валериан, Николай, князя; Клокачев, флотский капитан-командор; Яшвиль, кн. Мансуров, Татаринов, кн. – полковники; Розен, бар.; Скарятин, штабс-капитан; Шеншин, капитан; Титов, ротмистр; Аргамаков, плац-адъютант Михайловского замка; Волконский, кн.; Долгорукий, Ефимович – поручики; Филатов, Мордвинов – подпоручики; Гарданов, корнет; Федя и Кузьмич – денщики.

Голоса. Ура, свобода! Ура, Александр!

Скарятин (штабс-капитан – Талыzinу). Ваше превосходительство, еще бы шампанского дюжинку.

Талызин. Пейте, господа, на здоровье.

Татаринов. Жженку, жженку несут, зажигайте жженку!

Розен (стоя у стола, читает по тетрадке). Поелику подобает нам первее всего обуздать деспотичество нашего правления...

Скарятин. Что он читает?

Татаринов. Пункты Конституции Российской.

Филатов. Виват конституция!

Скарятин. Круглые шляпы да фраки, виват!

Татаринов. Пукли, пудру долой!

Филатов. Долой цензуру! Вольтера будем читать!

Скарятин. Банчишко метать, фараончик с макашкой! [32]

Татаринов. На тройках, с бубенцами, с фореитором – катай, валяй, жги! Ура, свобода!

Волконский (сидя верхом на стуле и раскачиваясь, пьяный, поет).

Allons, enfants de la patrie!

Le jour de gloire est arrive. [33]

Долгорукий (сидя перед кн. Волконским на полу, без мундира, с гитарой, пьяный, поет).

Ах ты, сукин сын, Камаринский мужик,
Ты за что, про что калачницу убил?
Волконский (Долгорукому). Петенька, Петенька, пропляши казачка, утешь,
родной!

Долгорукий. Отстань, черт!

Розен (продолжая читать). Тогда воспримет Россия новое бытие и совершенно во всех частях преобразится...

Депрерадович (указывая на Платона Зубова). Что такое с князем?

Яшвиль. Медвежья болезнь – расстройство желудка, от страха.

Талызин. Трус! Под Катькиными юбками обабился. Служба-то отечеству не то, знать, что служба постельная: по ночам, бывало, у дверей спальни мяукает котом, зовет императрицу на свидание; ему двадцать лет, а ей семьдесят – в морщинах вся, желтая, обрюзгая, зубы вставные, изо рта пахнет – брр... с тех пор его и тошнит!

Депрерадович. Зато чуть не самодержцем стал!

Талызин. А теперь стал Брутом. [34]

Яшвиль. Брут с расстройством желудка!

Депрерадович. Да ведь что, братцы, поделаешь? Революция в собственном брюхе важнее всех революций на свете!

Талызин (подходя к Зубову, который лежит на канапе). Не полегчало, князь?

Платон Зубов. Какое там!

Талызин. Гофманских капель бы приняли.

Платон Зубов. Ну их, капли! Домой бы в постель, да припарки... А я тут с вами возись, черт бы побрал этот заговор! Попадем в лапы Аракчееву, тем дело и кончится.

Розен (продолжая читать). По тринадцатому пункту Конституции Российской...

Талызин. Всех-то пунктов сколько?

Розен. Сто девяносто девять.

Талызин. Батюшки! Этак, пожалуй, и к утру не кончите.

Розен (продолжая читать). По тринадцатому пункту Конституции Российской собирается Парламент...

Скарятин. Это что за штука?

Татаринов. Парламент – штука немецкая...

Филатов. Немец обезьяну выдумал!

Скарятин. А знаете, господа, у княгини Голицыной три обезьянки: когда один самец да самочка амурятся, то другой смотрит на них, и представьте себе, тоже...

Говорит на ухо.

Титов. Удивительно!

Трое – у закуского стола.

Первый. Последняя цена – полтора ста.

Второй. Хочешь сто?

Первый. Что вы, сударь, Бога побойтесь! Хотя и крепостная, а все равно, что барышня. Шестнадцать лет, настоящий розанчик. Стирать и шить умеет.

Второй. Сто двадцать – и больше ни копейки.

Первый. Ну, черт с вами, – по рукам. Уж очень деньги нужны: в пух

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
проигрался.

Третий. Так-то вот и у нас в полку штабс-капитан Раздиришин все, бывало, малолетних девок покупал и столько он их перепортил, страсть!

Трое – у печки.

Первый. Все люди из рук природы выходят совершенно равными, как сказал господин Мабли.[35]

Второй. В природе, сударь, нет равенства: и на дереве лист к листу не приходится.

Третий. Равенство есть чудовище, которое хочет быть королем.

Первый. Неужели вы, господа, не понимаете, что политическая вольность нации...

Второй. Вольность? Что такое вольность? Обманчивый есть шум и дым пустой.

Мансуров. Все прах, все тлен, все тень: умрем, и ничего не останется!

Третий. Vous avez le vin triste, monsieur![36]

Шеншин. Ах ты, птенец, птенец! И как тебя сюда затащили?

Гарданов. Из трактира Демута, дяденька, за компанию. Пили там – все такие славные ребята. «Поедем, говорят, Вася, к Талызину». Вот я и поехал.

Шеншин. Ну, куда же тебе в это дело, мальчик ты маленький?

Гарданов. Какой же я маленький, помилуйте, мне скоро двадцать лет. Вчера предложение сделал – стишок сочинил, хотите, скажу? Только на ушко, чтоб никто не слышал.

Зачем в безумии стараться
Восток с полуднем соединить?
Чтоб вечно в радости смеяться,
Довольно Машеньку любить.
Ефимович. По исчислению господина Юнга Штиллинга,[37] кончина мира
произойдет через тридцать пять лет.

Татаринов. Ого! Да вы, сударь, фармазон, что ли?

Ефимович. Мы – священники, перст Горусов[38] на устах держащие и книги таинств хранящие.

Татаринов (тихо). Просто – мошенники: в мутной воде рыбу ловят.

Ефимович. Наша наука в эдеме еще открылась.

Титов. Удивительно!

Ефимович. А известно ли вам, государи мои, что по системе Канта...

Скарятин. Это еще что за Кант?

Ефимович. Немецкий философ.

Филатов. Немец обезьяну выдумал!

Скарятин. А я вам говорю, братцы, у княгини Голицыной три обезьянки: когда самец и самочка...

Клокачев. Как же, знаю, знаю господина Канта – в Кенигсберге видел: старичок беленький да нежненький, точно пуховочка – все по одной аллее ходит взад и вперед, как маятник – говорит скоро и невразумительно.

Ефимович. Ну, так вот, государи мои, по системе Кантовой – Божество

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
неприступно есть для человеческого разума...

Татаринов. А слышали, господа, намедни, в Гостином дворе, подпоручик Фомкин доказал публично, как дважды два четыре, что никакого Бога нет?

Титов. Удивительно!

Талызин. Господа, господа, нам нужно о деле, а мы черт не знает о чем!

Мансуров. Какие дела! Умрем – и ничего не останется: все прах, все тлен, все тень.

Долгорукий (поет).

Ах ты, сукин сын, Камаринский мужик,
Ты за что, про что калачницу убил?

Скарятин. А я тебе говорю, есть Бог!

Татаринов. А я тебе говорю, нет Бога!

Волконский. Петенька, Петенька, пропляши казачка, миленький!

Долгорукий. Отстань, черт!

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Талызин (читает). Отречение от престола императора Павла I. «Мы, Павел I-й, милостью Божьей, император и самодержец Всероссийский, и прочее, и прочее, беспристрастно и непринужденно объявляем, что от правления государства Российского навек отрицаемся, в чем клятву нашу пред Богом и всецелым светом приносим. Вручаем же престол сыну и законному наследнику нашему, Александру Павловичу».

Розен. А где же конституция?

Талызин. Александр – наша конституция!

Голоса. Виват Александр!

Талызин. Мы, господа, на совесть. Извольте и то рассудить, что государь самодержавный не имеет права законно власть свою ограничить, понеже Россия вручила предкам его самодержавие нераздельное...

Бибиков. Помилуйте, господа, из-за чего же мы стараемся? Из-за круглых шляп да фраков, что ли?

Голоса. Круглые шляпы да фраки, виват! Виват свобода!

Клокачев. Не угодно ли будет, государи мои, выслушать прожект о соединении областей Российской империи по образцу Северо-Американской республики?

Платон Зубов. А вот, погодите, задаст вам ужо Аракчеев республику!

Шум, крики.

Одни. Виват самодержавие!

Другие. Виват конституция!

Тучков. А мне что-то, ребяташки, боязно – уж не черт ли нас попутал?..

Талызин. Господа, господа! Дайте же слово сказать...

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Талызин. Российская империя столь велика...

Первый. Велика Федора да дура.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Второй. Ничего в России нет: по внешности есть все, а на деле – нет ничего.

Третий. Россия – метеор: блеснул и пропал.

Мансуров. Умрем – и ничего не останется: все прах, все тлен, все тень.

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Талызин. Российская империя столь велика и обширна, что, кроме государя самодержавного, всякое иное правление неудобовозможно и пагубно...

Голоса. Верно! Верно! К черту конституцию! Это все немцы придумали, враги отечества, фармазоны проклятые!

Талызин. Ибо что, господа, зрим в Европе? Просвещеннейший из всех народов сбросил с себя золотые цепи порядка гражданского, опрокинул алтари и троны и, как поток, надуемый всеми мерзостями злочестия и разврата, выступил из берегов своих, угрожая затопить Европу...

Татаринов. Европа вскоре погрузится в варварство...

Талызин. Одна Россия, как некий колосс непоколебимый, стоит, и основание одного колосса – вера православная, власть самодержавная.

Голоса. Виват самодержавие! Виват Россия!

Скарятин. Россия спасет Европу!

Титов. Удивительно!

Мордвинов. Граждане российские...

Волконский. Петенька, Петенька, попляши казачка!

Долгорукий. Отстань, черт!

Голоса. Слушайте! Слушайте!

Мордвинов. Граждане российские! Может ли быть вольность политическая там, где нет простой человеческой вольности и где миллионы рабов томятся под властью помещиков? Звери алчные, пиявицы ненасытные, что мы оставляем крестьянству? То, чего отнять не можем, – воздух.[39] Обратим же взоры наши на человечество и устыдимся, граждане! Низлагая тирана, да не будем сами тиранами – освободим рабов...

Татаринов. А Емельку Пугачева забыли?

Скарятин. Освободи их, отродие хамов, так они нам горло перервут.

Мордвинов. Граждане российские...

Один. Слушайте! Слушайте!

Другие. Довольно!

Мордвинов. Блюдитесь же, граждане! День мщения грядет – восстанут рабы и цепями своими разобьют нам головы и кровью нашу нивы свои обагрят. Плаха и петля, меч и огонь – вот что нас ждет. Будет, будет сие!.. Взор мой пронизает завесу времен... Я зрю сквозь целое столетие... я зрю...

Голоса. Молчите! Молчите! Довольно!

Татаринов. Вы оскорбляете, сударь, честь дворянства российского! Мы не позволим...

Талызин. Господа, мы все не о том – нам нужно о деле, а мы черт знает о чем!

Голоса. В чем же дело, говорите!

Талызин. А дело в том, что если государь отречения не подпишет, как нам

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
быть?

Одни. Арестовать!

Другие. В Шлиссельбург!

Талызин. Легко сказать – Шлиссельбург. Войска ему преданы, освободят и что тогда?

Бенигсен. Messieurs, le vin est tire, il faut le boire.[40] У государя самодержавного корону отнять и сохранить ему жизнь есть дело невозможное.

Все сразу умолкли; такая тишина, что слышится бой курантов за Невой, на Петропавловской крепости.

Тучков. О-хо-хо! Царя убить – страшное дело...

Депрерадович. Помазанник Божий...

Шеншин. Присяга – не шутка...

Ефимович. И в Писании сказано: Бога бойтесь, царя чтите.

Бибиков. Государи мои милостивые! Для всякого ума просвещенного невинность тираноубийцы есть математическая ясность: ежели, скажем, нападет на меня злодей и, вознесши над главою моею кинжал...

Яшвиль. Эх, господа, чего канитель-то тянуть? Намедни он меня по лицу ударил, а таковые обиды кровью смываются!

Голоса. Верно! Верно! Кровь за кровь. Смерть тирану!

Гарданов (вскочив на стул).

Ликуйте, склепанны народы,

Пылай, кровавая заря –

Се правосудие свободы

На плаху возвело царя![41]

Голоса. Смерть тирану! Смерть тирану! Ура, свобода!

Валериан Зубов (с деревянной ногою). Нет, господа! Я, один на один, хоть с чертом биться готов, но сорок человек на одного – воля ваша, я не запятнаю шпаги моей таковою подлостью!

Бибиков. Лучше сорок на одного, чем один на сорок миллионов – тут, говорю, математика...

Одни. К черту математику! Не хотим! Не надо! Не надо!

Тучков. Жаль Павлушку...

Другие. А коли вам жаль, так ступайте, донесите!

Платон Зубов. Господа, разойдемся, а то арестуют – тем дело и кончится.

Талызин. Что вы, князь? Сами кашу заварили, а теперь на попятный?

Платон Зубов. Да ведь не я один, а вот и они...

Одни. Князь правду говорит – толку не быть – разойдемся.

Другие. Труссы! Шпионы! Предатели!

Один. Как вы, сударь, смеете?..

Кто-то в кого-то пускает бутылкою.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Голоса. Ваше превосходительство, тут дерутся!

Голоса. Тише, тише вы там, черти, анафемы!

Талызин. Господа, господа, как вам не стыдно? Отечество в опасности, а вы...

Крики, смятение. Платон Зубов пробирается к выходу.

Валериан Зубов. Куда ты, Платон?

Платон Зубов. Домой.

Валериан Зубов. Брат, а брат, да ты и вправду струсил, что ли?

Платон Зубов. А ты чего хорохоришься? На деревяшке-то своей не далеко ускачешь. И не сам ли сейчас говорил, что убивать не пойдешь?

Валериан Зубов. Не пойду убивать, но умирать пойду за отечество.

Платон Зубов. Ну, брат, знаем – Кузькина мать собиралась умирать... Да ну же, полно дурить, пусти!

Валериан Зубов. Не пуцу!

Платон Зубов (толкает его). Пусти, черт!

Валериан Зубов (обнажая шпагу). Стой, подлец! Заколю!

Платон Зубов (кидаясь на него со шпагой). Ах ты, каракатица безногая! Я тебя!..

Бьются. Их разнимают.

Талызин. Платон Александрович! Валериан Александрович! Брат на брата!..

Стук в наружную дверь.

Платон Зубов (в ужасе, падая навзничь на стул). Аракчеев!..

Смятение.

Голоса. Аракчеев! Аракчеев! Бегите!

Талызин. Господа, что вы? Бог с вами, какой Аракчеев? Это Пален – мы Палена ждем!

Голоса. Пален, Пален! Эк перетрусили!

Талызин (у двери). Кто там?

Голос (из-за двери). Да я же, я, Николай Зубов. Отпирайте, черт побери, ошалели, что ли?

Талызин отпирает. Входит Николай Зубов.

Талызин. Ну, батюшка, напугали.

Николай Зубов. А что?

Талызин. Думали, Аракчеев...

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Николай Зубов. Типун вам на язык – зачем его поминаете к ночи?

Талызин. А вы где же, сударь, пропадали?

Николай Зубов. Болел.

Талызин. Животик тоже, как у братца?

Николай Зубов. Не живот, а черт.

Талызин. Черт? В каком же виде?

Николай Зубов. В виде генерала Аракчеева.

Талызин. Тьфу, скверность!

Николай Зубов. Да, сперва по ночам душил, а потом и днем являться стал: куда ни обернусь, все эта рожа паскудная, – торчит, будто бы, под боком да шепчет на ухо: «Поди, донеси, а то арестую». И такая на меня тоска напала, такая, братцы, тоска – ну, просто смерть! Пойду-ка, думаю, к знахарке: с уголька не спрыснет ли? Поутру сегодня ранешенько иду мимо Летнего сада, по набережной; темень, слякоть, склизко; на мостике Лебяжьем споткнулся, упал, едва ногу не вывихнул; ну, думаю, шабаш, тут меня Аракчеев и сцапает. Гляжу, – а на снегу образок лежит малюсенький, вот этот самый, – видите? Николай Угодник Мценский.

Титов. Удивительно!

Николай Зубов. Подобрал, перебежал по мосткам на Петербургскую к Спасу, отслужил молебен, да как запели: «Отче, святителю Николаю! моли Бога о нас», – так меня словно что осенило: ах, батюшки, думаю, да ведь это он сам святитель-то, ангел мой, благословил меня иконкою! И все как рукой сняло – ничего я теперь не боюсь и вы, братцы, не бойтесь – Никола вывезет!

Талызин. Никола-то Николою, а мы тут, ваше сиятельство, чуть не перессорились...

Николай Зубов. Из-за чего?

Талызин. А если отречения государь не подпишет, так что делать?

Николай Зубов. Что делать? Убить как собаку – и кончено!

Голоса. Убить! Убить! Собаке собачья смерть! Смерть тирану!

Бибикив (в исступлении). Не ему одному, а всем! Пока не перережем их всех, не истребим гнездо проклятое, – не будет в России свободы!

Одни. Всех! Всех! Бить так бить!

Другие. Что вы, что вы, братцы!.. Бога побойтесь!

Николай Зубов. Небойсь, ребята, бойсь, – Никола вывезет!

Стук в дверь. Опять, как давеча, смятение.

Голоса. Аракчеев! Вот когда Аракчеев... Бегите! Бегите!

Талызин (у двери). Кто там?

Голос (из-за двери). Граф Пален.

Талызин отпирает дверь. Входит Пален.

Пален. Ну, что, господа, как у вас тут? Все ли готово?

Талызин. Все, ваше сиятельство! Только вот никак сговориться не можем.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org

Пален. Не говорить, а делать надо. Одно, друзья, помните: не разбивши яиц, не состряпаешь яичницы.

Татаринов. Это что же значит? А?

Скарятин. Яйца – головы царские, а яичница – революция, что ли?

Пален. Ну, господа, времени терять нечего – идем!

Голоса. Идем! Идем!

Пален. На два отряда разделимся: одни со мною, другие с князем Платоном...

Платон Зубов. Нет, граф, на меня не рассчитывайте.

Пален. Что такое?

Платон Зубов. Не могу – болен.

Пален. Что вы, что вы, Платон Александрович, батюшка, помилуйте, в последнюю минуту, – прескверная штука, не угодно ли стакан лафита.

Бенигсен. Не извольте беспокоиться, граф! Князь, правда, болен. Но это пройдет – у меня для него отличное средство... (Платону Зубову.) Ваше сиятельство, на два слова. (Палену.) А вы, граф, пока разделяйте отряды.

Бенигсен отводит Платона Зубова в сторону.

Пален. Господа, кому угодно со мною, сюда пожалуйста, направо, а прочие, с князем, – налево.

Все стоят, не двигаясь.

Пален. Ну, что же? Разделяйтесь... (Молчание.) А, понимаю... (Сам расставляет всех по очереди). Со мной – с князем, со мной – с князем.

Платон Зубов и Бенигсен – в стороне.

Платон Зубов. Что вам, сударь, угодно?

Бенигсен. А то что если вы...

Платон Зубов. Оставьте меня в покое!

Бенигсен. Если вы...

Платон Зубов. Убирайтесь к черту!

Бенигсен. Если вы сейчас не согласитесь идти с нами, я вас убью на месте.

Вынимает пистолет.

Платон Зубов. Что за шутки!

Бенигсен. А вот увидите, как шучу.

Взводит курок.

Платон Зубов. Перестаньте, перестаньте же, Леонтий Леонтьевич...

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Бенигсен. Решать извольте, пока сосчитаю до трех. Раз – идете?

Платон Зубов. Послушайте...

Бенигсен. Два – идете?

Платон Зубов. Э, черт...

Бенигсен. Три.

Платон Зубов. Иду, иду.

Бенигсен. Ну, давно бы так. (Палену.) Князь идет – пилюли изрядно подействовали.

Пален. Ну, вот и прекрасно. Значит, все готово. Хозяин, шампанского! Выпьем – и с Богом.

Депрерадович. Ваше сиятельство, а как же мы в замок войдем?

Пален (указывая на Аргамакова). А вот Александр Васильич проведет – ему все ходы известны.

Аргамаков. От Летнего сада через канавку по малому подъемному мостику.

Яшвиль. А если не опустят?

Аргамаков. По команде моей, как плац-адъютанта замка, опустят.

Депрерадович. А потом?

Аргамаков. Потом через Воскресенские ворота, что у церкви, во двор и по витой лестнице прямо в переднюю к дверям спальни.

Яшвиль. Караула в передней много ли?

Аргамаков. Два камер-гусара.

Депрерадович. Из наших?

Аргамаков. Нет. Да с двумя-то справимся.

Денщики подают на подносах бокалы с шампанским.

Пален (подымая бокал). С новым государем императором Александром Павловичем. Ура!

Все. Ура! Ура!

Бенигсен (отводя Палена в сторону). Игра-то, кажется, не стоит свеч?

Пален. Почему?

Бенигсен. А потому, что с этими господами революции не сделаешь. Низложив тирана, только утвердим тиранство.

Пален. Ваше превосходительство, теперь поздно...

Бенигсен. Поздно, да, – или рано. А жаль. Ведь можно бы... Эх!.. Ну, да все равно. *Le vin est tire, il faut le boire.* Идемте.

Пален. Идемте, господа!

Голоса. Идем! Идем! Ура!

Талызин. Ваше сиятельство, как же так? – ведь мы ничего не решили...

Голоса. Довольно! Довольно! Идем! Ура!

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org

Все уходят. Два денщика, старый – Кузьмич и молодой – Федя, гасят свечи, убирают со стола, сливают из бокалов остатки вина и пьют.

Федя. Дяденька, а дяденька, грех-то какой – ведь они его убьют?

Кузьмич. Убьют, Федя, не миновать, убьют.

Федя. Как же так, дяденька, а? Царя-то?.. Ах ты, Господи, Господи!

Кузьмич. Да что, брат, поделаешь? От судьбы не уйдешь: убили Алешеньку, [42] убили Иванушку, [43] убили Петеньку, [44] убьют и Павлушку. Выпьем-ка, Федя, за нового.

Федя. Выпьем, Кузьмич! А только как же так, а? И какой-то еще новый будет?

Кузьмич. Не лучше старого, чай. Да нам, что новый, что старый, все едино, – кто ни поп, тот и батька.

Федя поднимает с пола гитару, брошенную кн. Долгоруким, и, как бы о другом думая, тихонько перебирает струны. Кузьмич сперва тоже тихо, потом все громче подпевает.

Кузьмич.

Ах ты, сукин сын, Камаринский мужик,
Ты за что, про что калачницу убил?
Я за то, про то калачницу убил,
Что не с солию калачики пекла,
Не поджаристые.
Вторая картина

Комната княгини Анны Гагариной. Налево – дверь в спальню; в глубине – дверь на лестницу, ведущую в апартаменты государя. Направо – камин с огнем. В углу стенные часы. Ночь.

Павел и Анна.

Анна сидит в кресле у камина. Павел у ног Анны, положив голову на ее колени, дремлет.

Анна. Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненький!

Павел. Какие у тебя глазки ясные – точно два зеркальца – вижу в них все и себя вижу маленьким, маленьким... А знаешь, Аннушка, когда я так лежу головой на коленях твоих, то будто и вправду я маленький, и ты на руках меня держишь, баюкаешь...

Анна. Спи, маленький, спи, деточка!

Павел. Сплю, не сплю, а все что-то грезится давнее-давнее, детское, такое же маленькое, как вот в глазах твоих. Большое-то забудешь, а малое помнится. Бывало, за день обидит кто, ляжешь в постель, с головой одеялом укроешься и плачешь так сладко, как будто и рад, что обидели... Ты это знаешь, Аннушка?

Анна. Знаю, милый! Нет слаще тех слез – пусть бы, кажись, всегда обижали, только бы плакать так...

Павел. Вот, вот!.. А тебя кто обижал?

Анна. Мачеха.

Павел. А меня мать родная... Ну, да не надо об этом... Зато, когда весело, так весело – расшалимся, бывало, с Борей Куракиным, [45] со стола учительского скатерть сдернем и ну кататься, валяться – пыль столбом. Из шкапов книжных полки повытаскаем, мосты военные строим. А лошадки, солдатики! А там уж и дела сердечные... Влюбляться-то чуть не с колыбели начал. В томах Энциклопедии французской – книжищах преогромных, больше меня самого – все

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
изъяснение к слову Amoug ишу и с фрейлинами – против нас жили во флигеле – в окна переглядываемся. Не знал еще, что такое любовь, а уж дня не мог прожить без страсти. Подышу на зеркало и выведу пальцем имя возлюбленной, а услышу, идут – сотру поскорее. Раз на балу персик украл, спрятал в карман, чтоб любезной отдать, да забыл, сел, раздавил, по штанам потекло – срам! А красавицы-то, не шутя, на плутишку заглядывались: я ведь тогда – не то что теперь, курносый урод, – мальчик был прехорошенький. Портретик мой помнишь? Где он? Покажи-ка.

Анна снимает с шеи цепочку с медальоном и подает Павлу.

Павел (глядя на портрет). А-а! Я и забыл, что мы тут вдвоем: на одной половинке – я, на другой – он. Ровесники. Обоим лет по двенадцати. И похожи-то как! Две капли воды. Не разберешь, где я, где он. Точно близнец, аль двойник. Ну да и не диво – ведь сын родной, первенец, плоть и кровь моя, мальчик мой милый!.. Александр, Александр!

Ломает медальон и бросает в огонь.

Павел. Будь он проклят! проклят! проклят!

Анна. Что ты, Павлушка? Сына родного...

Павел. Отцеубийца!

Анна. Нет, нет, не верь, налгали тебе – Александр невинен...

Павел. Невинен? Он-то невинен? Да знаешь ли, что он со мною сделать хотел? Пусть бы просто убил – как разбойник, ночью пришел и зарезал... Так нет же, нет! Не тело, а душу мою умертвить он хотел – лишит меня разума... С ума-то свести можно всякого, только стой все кругом, да подмигивай: «Вот, мол, сходит, сходит с ума!» Хоть кого, говорю, возьми, не выдержит – взбесится... А сошел бы с ума, – посадили бы на цепь, пришли бы дразнить, как зверя в клетке, и я бы выл, выл, выл, как зверь, или как ветер – слышишь? – в трубе воет – у-у-у!..

Анна. Не надо, не надо, Павлушка миленький! А то ведь и вправду можно...

Павел. Можно! А ты что думала? Когда тяжесть России, тяжесть Европы, тяжесть мира, вся на одной голове – с ума сойти можно. Бог да я – больше никого, вот что тяжело, – человеку, пожалуй, и не вынести... Трон мой – крест мой, багряница – кровь, корона – терновый венец, иглы пронзили мне голову... За что, за что, Господи?... Да будет воля Твоя... Но тяжело, тяжело, тяжело!..

Падает на колени.

Анна (обнимая и целуя голову Павла). Павлушка, бедный ты мой, бедненький!..

Павел. Да, – «Бедный Павел! Бедный Павел!» Знаешь, кто это сказал?

Анна. Кто?

Павел. Петр.

Анна. Кто?

Павел. Государь император Петр I, мой прадед.

Анна. Во сне?

Павел. Наяву.

Анна. Привидение?

Павел. Не знаю. А только видел я его, видел вот как тебя вижу сейчас. Давно

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
было, лет двадцать назад. Шли мы раз ночью зимою с Куракиным по набережной. Луна, светло почти как днем, только на снегу тени черные. Ни души, точно все вымерло. На Сенатскую площадь вышли, где нынче памятник. Куракин отстал. Вдруг слышу, рядом кто-то идет – гляжу – высокий, высокий, в черном плаще, шляпа низко – лица не видать. «Кто это?» – говорю. А он остановился, снял шляпу – и узнал я – государь император Петр I. Посмотрел на меня долго, скорбно да ласково так, головой покачал и два только слова молвил, те же вот, что ты сейчас: «Бедный Павел! Бедный Павел!»

Анна. И что же?

Павел. Не помню. Упал я, верно, без чувств. Только как пришел в себя, вижу, Куракин надо мною хлопочет, снегом виски трет. «Это, говорит, у вас от желудка». Что ж, может быть, и от желудка. Никто ничего не знает. А ты веришь в привидения, Аннушка?

Анна. Не знаю... Не надо об этом... страшно...

Павел. Да, страшно. Все страшно, – о чем ни подумаешь, как в яму провалишься... Никто ничего не знает... Паскаль^[46] говаривал, что вещь наималейшая такая для него есть бездна темноты, что рассудку на то не достанет... Так вот и я всего боюсь, а больше всего бояться боюсь... Ну, да правда твоя – не надо об этом... Лучше опять так – головой на коленях твоих – тихо, тихо – баю-баюшки-баю...

Анна. Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненький.

Павел. Давнее-давнее, детское... Клеточка для чижиков, один чижик прикован к столбику с обручем, а внизу вода – сам таскает ведерышком; клеточка, будто бы, пустынь, а чижик – пустынный, «Дмитрием Ивановичем» звать, а другой на воле, тот – «Ванька-слуга»... А еще столовые часики фарфоровые, белые, с цветочками золотыми да розовыми... Когда солнце на них, то в цветочках веселие райское...

Часы на стене бьют три четверти одиннадцатого.

Павел. Спать пора. Даст Бог, усну сегодня сладко – сниться будет, что баюкаешь... А ветер-то в трубе опять как воет, слышишь? – у-у-у! Точно мой шпиц. Собачонка проклятая – весь день выла – под ногами все вертится, в глаза глядит и воет... Ну, прощай, Аннушка, спи с Богом!

Павел встает. Анна, с внезапным порывом обняв его, прижимается к нему.

Павел. Что ты?

Анна. Не уходи! Не уходи!

Павел. Да что, что такое?

Анна. Не знаю... Страшно...

Павел. Напугал привидениями, что ли?

Анна. Не знаю... Нет... Не то...

Павел. Так что же?

Молчание. Анна еще крепче прижимается к Павлу и дрожит.

Павел. А, вот что! Думаешь, убьют. Небось, не убьют. Пусть-ка сунутся, попробуют. Ребятусек моих наемни видела, как любят меня? Коли что – умрут, а не выдадут. Ну, да и Пален, чай, не дурак.

Анна. Пален – изменник.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Павел. А вот посмотрим – я уже послал за Аракчеевым – завтра же узнаем все.

Анна. Завтра? А если в эту ночь?..

Павел. Небось, говорю, не успеют. Да и как им войти сюда? После вечерней зори – все ворота заперты, мосты подняты: мы тут в замке, как в осажденной крепости – рвы глубокие, стены гранитные, бойницы с пушками – целым войском не взять.

Анна. А все-таки страшно, Павлушка!.. Прости ты меня, глупую.. Видно, и я, как собачка твоя.. Ну, родненький, ну, миленький, ну что тебе стоит?.. Останься, побудь со мной до утра..

Павел. Что вы, княгиня? «Ce la ne convient pas», как говорит ее величество.. Нет, не шутя, сударыня, я не хочу, чтоб называли любовницей Павла ту, которую скоро назовут императрицею Всероссийской.. Завтра же.. Какой завтра день?

Анна. Понедельник.

Павел. А, тяжелый день.. Ну да для кого – понедельник, а для нас – воскресенье. Завтра же я нанесу великий удар – падут на плахе головы, некогда мною любимые.. Завтра старому конец – и новая, новая жизнь – воскресение!.. Ну, прощай, а то ведь и вправду, пожалуй..

Анна. Останься! Останься!

Павел. Нет, нет! Как вам не стыдно? Трус я, что ли? Мне ли, самодержцу, великого Прадеда правнуку, бояться этой сволочи? Взгляну – и побегут, дохну – и рассеются! Яко тает воск от огня, побегут нечестивые! С нами Бог! Не бойся же, Анна, и помни – с нами Бог!

Павел обнимает Анну и уходит. Анна падает в кресло и сидит неподвижно, как бы в оцепенении, глядя на огонь в камине. Потом подбегает к двери, в которую ушел Павел.

Анна. Павлушка! Павлушка! (Прислушивается.) Ушел..

Возвращается на прежнее место у камина, садится и опускает голову на руки.

Бедный Павел! Бедный Павел!

Действие пятое

Первая картина

Две комнаты, разделенные стеною; направо – узкая прихожая-коридор; налево – спальня государя. В стене – двойная дверь, соединяющая обе комнаты.

В глубине прихожей запертая дверь на маленькую витую лестницу во двор. Далее – печка и скамья для часовых. Направо – дверь в приемную и окно на Нижний Летний сад. На полу фонарь.

В глубине спальни – маленькая походная кровать без занавесок, с ширмами; ночник. Направо – голландская печка на ножках; забитая наглухо дверь в апартаменты государыни. Стены обложены деревом, крашенным в белый цвет.

Павел, в белом полотняном камзоле, в ночном колпаке спит на постели.

В прихожей два часовых камер-гусара, Ропшинский, помоложе, и Кириллов, постарше, дремлют на скамье у печки.

Ропшинский встает, зевает, потягивается, подходит к двери спальни, приотворяет первую наружную дверь, прикладывает ухо к замочной скважине и прислушивается

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Кириллов. Спит?

Ропшинский. Спит.

Кириллов. Ну слава Богу. Теперь до утра, чай, не проснется. Умаялся, столько-то ночей не спавши.

Ропшинский. Как лег, так и заснул, точно ключ ко дну пошел. И помолиться не успел.

Кириллов. Ну, Бог простит! Что другое, а к молитве усерден. В прежние-то годы, в Гатчинском дворце, бывало, так-то ночью тоже стоишь на часах у спальни и все сквозь двери слышишь, как молится, вздыхает да охает, лбом об пол колотит, земные поклоны кладет – на паркете протерты, и нынче видать, словно две ямочки.

Павел (во сне). Часики фарфоровые белые с цветочками... Когда на них солнце, то в цветочках веселие райское...

Ропшинский (прислушиваясь). Бредит.

Кириллов. Ничего. Всегда во сне говорит, иной раз по-русски, а иной по-французски, внятно так, будто наяву; ежели в день был весел, то бредит спокойно, а ежели какие противности, то и сквозь сон говорит угрюмо и гневаться изволит... О-хо-хо, грехи наши тяжкие... Сохрани и помилуй Царица Небесная... Ложись-ка, Степа!

Ропшинский. Нет, я посижу, Данилыч, а то как лягу, не добудисься.

Кириллов. Ну, с Богом! А я тут у печки прикорну – дело наше старое – поясицу что-то ломит – не к морозу ли? Дай Бог морозца да солнышка...

Кириллов расстилает шинель на полу и укладывается. Ропшинский дремлет, сидя на скамье и прислонившись головой к печке. Сначала издали, потом все ближе и ближе, наконец, у самых окон, на деревьях Летнего сада, слышится воронье карканье.

Ропшинский. Слышишь, Данилыч?

Кириллов. А что?

Ропшинский. Воронье-то раскаркалось.

Кириллов. Да, вишь, проклятые! И с чего это ночью им вздумалось? Не к добру, ой, не к добру!.. То собачонка выла весь день, а то воронье. Как бы Государя не взбудили. Спугнул их, что ли, кто? Да кому ночью по саду ходить?.. Погляди-ка, Степка, что там такое?

Ропшинский (глядя в окно). Не видать – стекло замерзло. Вверху будто прояснело, вывездило, а внизу не то вьюга метет, не то люди идут – много людей... войско...

Кириллов. Какое там войско, Господь с тобой! Спросонок, чай, мерещится.

Ропшинский. Может, и мерещится – мутно, бело – не видать...

Отходит к скамье.

Кириллов. Ну то-то... Дело ночное – всяко бывает. А то оградись крестом да молитвою – чур нас, чур, – тебя и не тронет. (Крестится и зевает.) О-хо-хо, грехи наши тяжкие... Сохрани и помилуй, Царица Небесная...

Кириллов и Ропшинский засыпают. Воронье карканье стихает. Фонарь чадит и гаснет. В окне голубоватый отсвет лунной вьюги.

Павел (во сне). Сашенька, Сашенька, мальчик мой миленький!..

Стук с лестницы в наружную дверь прихожей.

Кириллов (просыпаясь). Стучат!.. Степа, а Степа?

Ропшинский (в полусне). Воронье... воронье... Ох, Данилыч, что мне приснилось-то... (Совсем проснувшись.) А? Что?.. Стучат?..

Кириллов. О, Господи! Уж не беда ли какая?.. Помилуй, Царица Небесная!.. (Надев саблю и подойдя к двери.) Кто там?

Голос Аргамакова (из-за двери). Отворяй! Отворяй!

Кириллов. Да кто? Кто такой?

Голос Аргамакова. Оглох ты, старая тетеря, не слышишь, что ли, по голосу? Я, я – Аргамаков, плац-адъютант...

Кириллов. Александр Васильевич, ваше высокоблагородие, чего угодно?..

Голос Аргамакова. Продери-ка глаза, пьяная рожа! Аль забыл, с кем говоришь?.. Я к его величеству с рапортом.

Кириллов. Государь почивать изволят, ваше высокоблагородие, – будить не велено...

Голос Аргамакова. Врешь, дурак! О пожарах и ночью докладывать велено.

Кириллов. Пожар? Где пожар?

Голос Аргамакова. В Адмиралтействе. Да черт тебя дери, долго ли мне тут с тобой разговаривать?.. Ужо на гауптвахте выпорю, так узнаешь, сукин сын, как команды не слушаться... Отворяй!

Кириллов. Сейчас, сударь! Сейчас. Фонарь потух, темно, ключа не найду... (Тихо Ропшинскому.) Степа, а Степа? Беды бы не вышло?.. Не взбудить ли государя, что ли?..

Ропшинский. Нет, Данилыч, упаси Боже будить – убьет... Пусть уж полковник сам, как знает, а наше дело – сторона.

Голос Аргамакова. Отворяй же! Отворяй, черт, анафема!

Ропшинский. Вишь, как лют, – пожалуй, и вправду засечет. Отворяй-ка скорее, Данилыч!

Кириллов. О, Господи, Господи! Помилуй, Царица Небесная...

Отпирается дверь. Входит Аргамаков. За ним – Бенигсен, кн. Яшвиль, Бибииков, Татарин, Скарятин, Николай и Платон Зубовы, с глухими фонарями и шпагами наголо.

Кириллов. Кто такие?.. Кто такие?.. Ой, ой... Батюшки... Караул!..

Ропшинский (убегая направо). Караул!

Кириллов (выхватив саблю из ножен и становясь перед дверью спальни). Стой! Стой!

Заговорщики окружают Кириллова.

Николай Зубов. Саблю долой!

Ударом шпаги выбивает у Кириллова саблю и ранит его в руку.

Кириллов (падая). Государь! Государь! Бунт!

Павел (на мгновение проснувшись, приподнимается на постели). Кто там? Кто там? (Падает навзничь и опять, засыпая, бредит.) Сашенька, Сашенька, мальчик мой милый... Я так и знал... Ну, слава Богу...

Яшвиль (приставив дуло пистолета к виску Кириллова). Молчи – убью!

Аргамаков (хватая кн. Яшвиля за руку). Что вы, князь, – всех перебудите.

Николай Зубов. Рот платком! Тащи вниз!

Кириллову затыкают рот и стаскивают по лестнице.

Аргамаков. А другой?

Николай Зубов. Убежал.

Платон Зубов. Беда! Тревогу подымет.

Бенигсен. Не успеет. А наши-то где?

Николай Зубов. Разбежались. Кто на лестнице да на дворе отстал, а кто – в саду; как давеча вороны-то раскаркались, все перетрусили.

Бенигсен. Ну, черт с ними! Нас и так довольно. Только скорее, скорее! (Подойдя к дверям спальни, открывает наружную дверь и пробует открыть внутреннюю.) Изнутри заперся – значит там. (Прислушивается.) Верно, спит. У кого инструмент?

Аргамаков. Здесь.

Бенигсен. Отпирайте.

Аргамаков (Платону Зубову). Фонарь подержите.

Голоса заговорщиков (с лестницы). Бегите! Бегите! Тревога!

Платон Зубов. Господа, слышите?..

Дрожит и роняет фонарь.

Бенигсен. Эх, князь, теперь не время дрожать!

Павел (просыпаясь). Кто?.. Кто?.. Кто?..

Соскочив с постели, подбегает к двери и прислушивается.

Бенигсен. Инструмент, что ли, испортился?

Аргамаков. Нет, да замок аглицкий, с фокусом – отмычка не берет.

Николай Зубов. Ну-ка, плечом, – авось, подастся.

Напирает плечом на дверь. Дверь трещит. Павел отбегает в противоположный конец спальни, забивается в угол у печки за ширмами и плотно прижимается, как будто расплющивается, весь белый на белой стене, почти невидимый. Дверь открывается. Заговорщики вбегают в спальню.

Яшвиль (осветив постель фонарем). Убежал!

Николай Зубов. Куда? Не в окно же выскочил?

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Бенигсен (пощупав постель). Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin.[47]

Ищут, заглядывают в шкафы, под кресла, под стол, под кровать.

Платон Зубов (указывая под ширмы). Ноги!

Бибииков. Тьфу! Точно в прятки играем..

Бенигсен (отодвигая ширмы). Он!

Николай Зубов. Да что с ним такое? Будто не живой..

Бенигсен. Ваше величество..

Аргамачков. Не слышит.

Скарятин. От страха ошалел – столбняк.

Николай Зубов. А вот посмотрим.

Подносит фонарь к лицу Павла и тихонько одним пальцем дотрагивается до руки его. Павел весь, с головы до ног, вздрагивает и отпрядывает от стены, как будто хочет броситься на заговорщиков. Все отступают.

Павел (быстро и невнятно, как в бреду). Что?.. что?.. что?.. что?.. что?.. что?..

Бибииков. Экая мерзость!.. Господа, нельзя же так.. черт знает, что такое! Кончайте скорее!

Бенигсен (Платону Зубову). князь, отречение у вас? Ступайте же, ступайте, говорите, как решили. Да ну же, ну!..

Платон Зубов (вытирая пот с лица). Сейчас.. сейчас.. я только немного..

Бенигсен (подталкивая Платона Зубова). Да ну же, ну, ступайте!.. Э, черт вас дерит!..

Платон Зубов выступает вперед, держа в руках манифест.

Платон Зубов. Sire, nous venons au nom de la patrie...[48] Нет, не могу.. дурно.. Воды!..

Бенигсен (вырвав у Платона Зубова манифест). Ну вас к черту! (Подойдя к Павлу.) Ваше величество, вы арестованы..

Павел. Арестован?.. Арестован?.. Что значит арестован?..

Бенигсен. Арестованы и низложены. Государь-наследник, Александр Павлович, объявлен императором. На вашу жизнь никто посягнуть не осмелится: я буду охранять особу вашего величества. Только предайтесь нам совершенно. В случае же сопротивления малейшего, я не отвечаю..

Павел. Господи!.. Господи!.. Господи!.. Что я вам сделал?.. Что я вам сделал?..

Николай Зубов. Четыре года тиранил, злодей!

Татаринков. давно бы с тобою покончить!

Бенигсен. Господа, перестаньте! Мы пришли сюда для спасения отечества, а не для низкого мщения. (подавая Павлу манифест.) Sire, ayez l'obligeance de signer sur le champs cet act d'abdication...[49]

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosoff.org
Николай Зубов. Эх, генерал, чего французить! Лучше мы по-русски... Ну-ка, Павел Петрович, добром говорим – отрекайся, а то, сударь, плохо будет!

Павел (подымая руки вверх, торжественно, внезапно изменившимся голосом). Я... я... помазанник Божий... Самодержец Всероссийский!.. Убейте, убейте!.. Не отрекусь!.. С нами Бог!.. С нами Бог!..

Николай Зубов. Видите, совсем рехнулся! Что с ним разговаривать?.. Кончать надо!

Скарятин. Не разбивши яиц, не сделаешь яичницы!

Толпа остальных заговорщиков вбегает с лестницы в прихожую. Шум, крики, смятение.

Голоса (в прихожей). Бегите! Бегите! Спасайтесь!

Бенигсен. Что такое?

Талызин (вбегая из прихожей в спальню). Скорее, скорее! Кончайте! Караул идет!

Павел (бросаясь к двери). караул! караул! Помогите!

Бенигсен (со шпагой наголо, заступая дорогу Павлу). Restez tranqui!l, Sire, i!l y vade vos jours![50]

Павел. Пустите! Пустите! Караул!

Николай Зубов. Чего орешь.

Хватает Павла за руку. Павел вырывает у него руку. Николай Зубов ударяет его кулаком по виску. Он падает. Толпа из прихожей врывается в спальню.

Голоса. Скорее! Скорее! Скорее! Идут!

Павел (подымаясь). Помогите! Помогите, ребятушки!

Кн. Яшвиль кидается на Павла. Оба падают. На них наваливаются другие, передние – на задних, образуя кучу копошащихся тел. Ширма опрокинута. Ночник погас. Свалка.

Бенигсен. Стой! Стой!

Николай Зубов. Небось, братцы, никола вывезет. Бей!

Голоса. Бей! Смерть тирану!

Яшвиль. Шпагу! Шпагу давай!

Николай Зубов. Зачем шпагу? Не надо крови. Души!

Татаринов. Веревку!

Аргамаков. Веревки-то нет.

Скарятин. Подушками!

Николай Зубов. Где тут возиться!

Татаринов. Шарфом!

Скарятин. Вот!

Татаринов. Петлю!

Скарятин. Готово!

Николай Зубов. Надевай!

Скарятин. Выбился, черт!

Павел. Помогите, помогите!

Татаринов. Ну же, тяни!

Скарятин. Руку подсунул – не стянешь!

Павел. Ради Бога! Ради Бога! Помолиться!

Татаринов. Стягивай! Стягивай! Стягивай!

Павел. Александр! Александр!

Вторая картина

Парадная лестница Михайловского замка; гранитные ступени между двумя балюстрадами из серого сибирского мрамора и пилястрами из полированной бронзы. Две площадки, верхняя и нижняя; с нижней – две лестницы между мраморными колоннами, направо – во двор замка, налево – в апартаменты Александра; с верхней – дверь направо в апартаменты Павла, налево – в Тронную залу; в глубине – большое окно-дверь на балкон и площадь перед замком.

Раннее, еще темное утро. Потом светает.

Мария Федоровна; Александр; Константин; Елизавета; Пален, гр.; Бенигсен; Талызин; Аргаматов; Николай и Платон Зубовы; кн. Яшвиль; кн. Татаринов; Скарятин; Марин; Полторацкий; Роджерсон; Головкин; гр. Голицын; кн. Нарышкин; Кушелев; Ливен, кн.; Амвросий – Митрополит; Исидор – духовник. Духовенство. Придворные чины. Истопник. Чиновник. Солдаты.

На лестнице никого. Темнота. Тишина. На нижнюю площадку справа выбегает Мария Федоровна, с распущенными волосами, в ночной рубашке, в туфлях на босую ногу, в шубе, накинутой на одно плечо, спадающей и волочащейся по полу. За нею – княгиня Ливен.

Мария Федоровна. Paulchen! Paulchen! Paulchen!

Взбегает вверх по лестнице, спотыкается, падает, теряет туфлю, встает и бежит дальше.

Ливен. Ваше величество... погодите... туфля, туфля... ваше величество!

Мария Федоровна убегает направо; за нею – кн. Ливен. На нижнюю площадку справа входит поручик Полторацкий, за ним – солдаты.

Полторацкий. Ребята, за царя!

Полторацкий с обнаженной шпагой взбегает до середины лестницы, за ним – солдаты. На верхнюю площадку справа выходят Пален и Бенигсен.

Пален. Караул, стой!

Солдаты останавливаются.

Пален. Его величество государь император Павел I скончался апоплексическим

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
ударом. Государь наследник Александр Павлович изволил вступить на престол.

Молчание, потом глухой ропот солдат.

Солдаты. Не верь, братцы, не верь!.. Убили, убили! Злодеи!..

Пален. Смирно-о! (Полторацкому.) Извольте, поручик, сводить караул!

Полторацкий. Ваше сиятельство...

Пален. Молчать! Как вы смеете, сударь, команды не слушаться?.. (Солдатам.)
Я вас всех ужо, сукины дети... Пикни только!

Полторацкий (солдатам). Смирно-о!

Ропот стихает.

Полторацкий. На плечо-о!

Солдаты берут на плечо.

Полторацкий. Направо – кругом – марш!

Полторацкий и солдаты, сойдя по лестнице, уходят направо.

Пален. Уф! Еще минута – и бросились бы на нас... Прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Бенигсен. Только покойник и спас.

Пален. Покойник?

Бенигсен. Ну, да, высколил так, что довольно скомандовать, чтобы стали машинами.

Голос Марии Федоровны (за дверью). Пустите! Пустите! Пустите!

Пален. Что такое?

Бенигсен (заглядывая в дверь). Государыня!

Голос кн. Яшвиля. Вытащите вон эту бабу!

Голос Марии Федоровны. Pau!chen! Pau!chen!.. Ой-ой-ой!..

Бенигсен. Однако, не церемонятся... Видели?

Пален. А что?

Бенигсен. Татаринов схватил ее в охапку и понес, как ношу.

На верхнюю площадку справа входит лейб-медик Роджерсон.

Пален. А, доктор! Ну что, как у вас там?

Роджерсон. Раньше ночи не поспеем.

Пален. Что вы, сударь, помилуйте! Сегодня же надо выставить.

Роджерсон. Невозможно, граф! Сами видеть изволили, на что похож – узнать нельзя, так искалечили.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org

Пален. Мерзавцы! Как же, генерал, хоть вы бы удержали?

Бенигсен. Удержишь их! Звери! Мертвого били.

Пален. Что же делать, доктор, а?

Роджерсон. Сделаем, что можно – только не торопите. Там теперь два живописца работают.

Пален. Живописцы?

Роджерсон. Да, красят. Только, знаете, господа, с мертвеца-то на мертвеце портрет писать не очень приятно. Старичок, учитель рисования – из Академии Художеств привезли – так испугался, что едва паралич не хватил. Другой, помоложе, все храбрится. Только если и он за эту ночь поседет, я не удивлюсь... Что еще сказать-то я хотел?.. Затем и пришел, да вот не вспомню... Кажется, и у меня голова не в порядке... Да, да, за такие ночи люди седеют...

Пален. Успокойтесь, доктор! А то ежели все мы потеряем голову...

Роджерсон. Постойте-ка, дайте припомнить... Ах, да – язык!

Пален. Язык?

Роджерсон. Ну да, что с языком делать? Высунулся, распух, никак в рот не всунешь, – придется отрезать...

Пален. Ну, будет, будет! Ступайте, делайте, что хотите, – только ради Бога, оставьте нас в покое и кончайте скорее.

Роджерсон уходит. Поручик Марин входит на нижнюю площадку слева.

Марин. Его величество.

Пален. Не пускать! Скажите, что нельзя...

Марин. Говорили. Не слушает, плачет, рвется сюда. Не удержишь. Руки на себя наложить хочет... Да вот и сам.

Александр взбегает по лестнице.

Александр. Батюшка! Батюшка! Батюшка!

Хочет войти в дверь направо. Пален не пускает.

Пален. Ваше величество, государь родитель...

Александр. Вы его...

Пален. Скончался.

Александр. Убили!

Падают без чувств на руки Бенигсена и Палена.

Пален. Доктора!

Марин выбегает и тотчас возвращается с Роджерсоном. Александра кладут на пол и стараются привести в чувство.

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Пален. Ну, что?

Роджерсон. Надо быть осторожнее, граф, а то может скверно кончиться... Пока отнести бы в спальню.

Пален. Несите!

Марин (в дверь направо). Ребята, сюда!

Входят караульные солдаты.

Марин. Подымай! Легче, легче!

Марин, Роджерсон и солдаты сносят на руках Александра по лестнице. Все уходят. Лестница долго остается пустою. Светает. В окне ясное зимнее утро, голубое небо и первые лучи солнца. На нижнюю площадку справа входят истопник и чиновник.

Чиновник. Умер ли? Точно ли умер, а?

Истопник. Да говорят же, умер, Фома неверный!

Чиновник. А бальзамируют?

Истопник. Сейчас потрошат, а к вечеру и бальзамируют.

Чиновник. Ну, значит, умер! Слава Те, Господи!.. (Крестится.) Аллилуия, аллилуия и паки[51] аллилуия! С новым государем, кум! Поцелуемся...

Истопник. Ну тебя, отстань! Вишь, нализался...

Чиновник. Выпил, брат, есть грех, да как на радостях-то не выпить. Весь город пьян – в погребах ни бутылки шампанского. А на улицах-то – народу тьма-тьмушкая. Снуют, бегают, словно ошалели все – обнимаются, целуются, как в Светлое Христово Воскресение. И денек-то выдался светлый такой, – то все была слякоть да темень, а нынче с утра солнышко, будто нарочно для праздника. Ну, да и подлинно праздник – Воскресение, Воскресение России... Ура!

Истопник. Тихе ты! Услышат – долго ли до греха? – беды с тобой наживешь...

Чиновник. Небось, кум, теперь – свобода... Иду я давеча сюда по Мойке, а навстречу офицер гусарский по самой середине панели верхом скачет, кричит: «Свобода! Гуляй, душа, – все позволено!»

Истопник. Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела... Да ну же, ступай, говорят, ступай – слышь, идут...

Истопник и чиновник уходят направо. Роджерсон и Марин входят на нижнюю площадку слева.

Марин. Пойду, доложу его сиятельству.

Роджерсон. Попросите же, чтоб граф поосторожнее, а то, ежели опять, как давеча, – я ни за что не отвечаю – рассудка может лишиться.

Марин. Слушаю-с.

Марин, взойдя по лестнице, уходит направо. Роджерсон – налево. Кн. Платон Зубов и обер-церемониймейстер граф Головкин входят на верхнюю площадку слева.

Платон Зубов. Всем чинам военным и гражданским в Зимний дворец, в Большую

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
церковь съезжаться для учинения присяги. Митрополита и духовенство
повестить не забудьте.

Головкин. Митрополит внизу, в церкви ждет.

Платон Зубов. Зачем? Кто просил?

Головкин. Сам приехал. Панихиды служить.

Платон Зубов. Панихид не будет, пока тело не выставят. Так и скажите дураку
– пусть во дворец едет.

Головкин. Слушаю-с.

Платон Зубов. Eh bien, comte, qu'est ce qu'on dit du changement?[52]

Головкин. Mon prince, on dit que vous avez ete un des romains.[53]

Платон Зубов. Да, дело было жаркое – потрудились мы на пользу отечества...

Уходят. Александр входит на нижнюю площадку слева. Елизавета и Роджерсон
ведут его под руки.

Роджерсон. Потихоньку, потихоньку, ваше величество! Присядьте, отдохнуть
извольте...

Камер-лакей приносит стул и уходит. Александр садится. Елизавета дает ему
нюхать спирт.

Александр. Ничего... прошло... Только вот голова немного... Все забываю... Что,
бишь, я говорил-то, Лизанька? А?

Елизавета. Об отречении, Саша!

Роджерсон, взойдя по лестнице, уходит направо.

Александр. Да, отречение... А ты мне что? Вот опять забыл...

Елизавета. Я говорила, что сейчас нельзя – после...

Александр. После... После... Всю жизнь... Всегда – каждый день, каждый час,
каждую минуту – то же, что сейчас вот – это – и больше ничего... Как с этим
жить, как с этим царствовать? Ты знаешь?.. Я не знаю... Я не могу... Пусть кто
может... А я не могу...

Елизавета. Что же делать, Саша? Надо...

Александр. Надо... И нельзя – опять, как тогда, помнишь? – надо и нельзя,
нельзя и надо. Что ж это, что ж это такое, Господи?.. Сойти бы с ума, что
ли... Не думать, не помнить... Забыть... О-о-о... Нет, не забудешь... Годы пройдут,
вечность пройдет, а это – никогда, никогда!..

Елизавета становится на колени, обнимает и целует голову Александра.

Елизавета. Ну, полно же, полно... Сашенька... Родненький...

Александр. Хорошо... Не буду... Только что еще сказать-то я хотел? Что, бишь,
такое?.. Да, да... Власть от Бога... «Несть бо власть аще не от Бога...» И это –
опять, как тогда... А знаешь, Лизанька, ведь тут что-то неладно... А ну, как не
от Бога власть самодержавная? Ну, как тут место проклятое – станешь на него
и провалишься?.. Проваливались все до меня – и я проваляюсь... Ты думаешь, с
ума схожу, брежу?.. Нет, я теперь знаю, что говорю, – может, потом и
забуду, а теперь знаю... Тут, говорю, черт к Богу близко, близехонько – Бога
с чертом спутали так, что не распутаешь!

Мария Федоровна входит на нижнюю площадку справа. Она в утреннем шлафроке, волосы не убраны, на голове шаль.

Александр. Матушка!

Подходит к Марии Федоровне, хочет обнять ее, но, взглянув ей в лицо, отступает. Она смотрит на него долго и пристально, как будто не узнает.

Мария Федоровна. А-а, ваше высочество... ваше величество... Вы здесь. А там были?... Нет?... Я оттуда сейчас... Не пускали... Задним ходом прошла – караул поставить забыли... Видела... Ступайте же и вы посмотрите...

Александр. Матушка! Матушка!

Мария Федоровна. Теперь вас поздравляю: вы – император!

Александр падает на колени, закрыв лицо руками. Мария Федоровна, не взглянув на него, проходит мимо, налево. Елизавета и Роджерсон бросаются к Александру, поднимают и усаживают. Пален, Бенигсен, Аргамаков, Талызин, Депрерадович, Николай Зубов, Татаринцов и другие заговорщики входят на верхнюю площадку справа.

Аргамаков (тихо Палену). Ваше сиятельство, в Преображенском неладно.

Пален. Что такое?

Аргамаков. Шумят, команды не слушают, «покажите, говорят, государя покойного, а то присягать не будем!»

Пален. Сейчас нельзя – не убрано.

Аргамаков. Как бы не вышло беды, уж очень бунтуют.

Пален (тихо). Подождите, приберем немного и пустим два ряда, покажем издали. Черт с ними, коли так преданы, пускай наглядятся.

С площади доносится стук барабанов, звуки труб, возрастающий гул голосов, крики войск. Заговорщики в смятении приходят, уходят, бегают, кричат, машут руками, указывают и заглядывают в окна.

Голоса заговорщиков. Слышите? Бунт? Бунт? Чего же смотрите? Где государь? Государя к войскам! Скорее! Скорее! Скорее!

Пален, Бенигсен, Николай Зубов, Татаринцов и другие заговорщики сбегают по лестнице и окружают Александра.

Пален. Ваше величество, пожалуйста... Что такое? Опять обморок?

Елизавета. Ничего, пройдет. Только погодите минутку.

Пален. Ждать ни минуты нельзя. Если государь к войскам не выйдет тотчас же, может быть бунт. Пожалуйста, ваше величество!

Александр. Не надо! Не надо!

Пален. Полно, государь! Не время теперь. Благополучие сорока миллионов людей зависит от вашей твердости. Пожалуйста, пожалуйста же, ваше величество!..

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
Пален и Бенигсен с одной стороны, Николай Зубов и Татаринцов – с другой, берут Александра под руки и ведут, как будто насильно тащат, вверх по лестнице. На верхней площадке открывают стеклянную дверь на балкон.

Александр. Что я скажу им, что я скажу?

Пален. Скажите только: «государь император скончался ударом – все при мне будет, как при бабушке». Но, ради Бога, повеселее, ваше величество – нельзя же так... Слезки-то, слезки вытереть извольте. Ну, с Богом!

Александр выходит на балкон.

Войска (с площади). Ура! Ура! Ура!

Великий князь Константин, обер-церемониймейстер гр. Головкин, обер-гофмаршал Нарышкин, адмирал Кушелев и другие придворные в парадных мундирах выходят на верхнюю площадку слева. На нижнюю справа – дворцовые караулы Семеновского, Преображенского, Лейб-гренадерского, Конно-гвардейского и других полков со знаменами и штандартами. Караулы становятся по обеим сторонам лестницы с эспантонами наголо.

Александр (с балкона). Государь император скончался. Все при мне будет, как при бабушке...

Войска (с площади). Ура! Ура! Ура!

Талызин (указывая на Александра). Точно ангел в лазури небесной парит!

Депрерадович. А солнце-то, солнце – се Александровых дней восходящее солнце!

Константин (Кушелеву, указывая на заговорщиков). Я бы их всех повесил!.. А впрочем, наплевать...

На верхней площадке толпа расступается, митрополит Амвросий с духовенством входит справа.

Головкин. Пожалуйте, владыка, карету подали.

Амвросий. Иду, иду – только вот государя поздравить...

Александр выходит с балкона.

Амвросий (подойдя к Александру и благословляя его). Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого.

Александр опять, как давеча, падает на колени, закрыв лицо руками.

Амвросий (положив руки на голову Александра). Благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего, императора Александра Павловича спаси, Господи, и помилуй. Силою Твоею возвеселится царь и о спасении Твоем возрадуется. Положил еси на главе его венец от камне честна, даси[54] ему благословение во веки веков.[55] Аминь.

Пален. Господа, в Зимний дворец! Владыка, пожалуйста. Пожалуйста, ваше величество!

Пален и другие заговорщики берут Александра под руки и сводят по лестнице, как будто несут на руках. Он идет с опущенной головой, мертвенно-бледным

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
лицом, едва передвигая ногами. Караул, отдавая честь императору, склоняет к ногам его знамена и штандарты. С площади слышатся «ура!» и военная музыка – Екатерининский марш «Славься сим, Екатерина, славься, нежная к нам мать!»[56]

Все. Ура! Ура! Ура! Александр!

Голицын (тихо Нарышкину). Не на престол, будто, а на плаху ведут.

Нарышкин. Еще бы! Дедушкины убийцы[57] позади, батюшкины убийцы впереди...

Талызин (заговорщиком). Господа, слышали, Аракчеев здесь – у государя просит аудиенции.

Депрерадович. А вот посмотрим, примет ли.

Платон Зубов. Как не принять? Рубашками-то с тела поменялись недаром, братья названные!

Бенигсен. Помяните слово мое, господа: умер Павел, жив Аракчеев – умер зверь, жив зверь!

Кушелев (забегая вперед и становясь на колени перед Александром).
Благословен Грядый во имя Господне. Осанна в вышних!

Все. Ура! Ура! Ура! Александр!

Примечания

1

Используемое выражение означает ссылку в Сибирь.

2

Направление (франц. direction).

3

Ваше высочество (франц.).

4

Государь (франц.).

5

Здравствуй, Цезарь [император], идущие на смерть [гладиаторы] приветствуют тебя! (лат.)

6

Опера «Орфей и Эвридика» – композитор К. Глюк (1714–1787), впервые поставлена в России в 1782 г.

7

Вы слишком любезны, ваше высочество! (франц.)

8

...Свободен Рим.
Сего довольно. Вознесем хвалу богам (франц.).

9

Имею честь приветствовать вас, сударыня, ваше высочество! (франц.)

10

Хорошо смеется тот, кто смеется последним (франц.).

11

Замолчите, ваше высочество. Это неприлично (франц.).

12

Фридрих Месмер (2-я пол. XVIII в.) – австрийский врач, создатель теории «животного магнетизма».

13

Неведомое так увлекательно! (франц.)

14

Героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича (1744–1803)

15

Но, Господи, Твоя воля, мой дорогой (нем.).

16

Ваш разговор, сударыня, кажется мне весьма оживленным (франц.)

17

Но, Паульхен, дорогой Паульхен (нем.).

18

Так перепутаны (нем.).

19

Когда, отправляясь в далекий путь,
Марго складывала вещи,
Деревенские колокола
Дали мне урок:
Дин-ди, дин-дон (франц.)

20

Россия и Франция, находясь на двух краях мира, созданы для того, чтобы ими владеть (франц.).

21

Идущий, шествующий (церковнослав.).

Мережковский Д. Павел Первый (драма в 5-ти действиях) filosofff.org
22

Евангелие от Матфея, XXI, 9.

23

К вящей славе Божией (лат.)– девиз ордена иезуитов.

24

Это неприлично (франц.).

25

Граф Калиостро (наст. имя Джузеппе Бальзамо; 1743–1795) – итальянский авантюрист, мистик, чародей, шарлатан.

26

Мелхиседек – «царь Салимский, священник Бога Всевышнего» (Бытие, XIV, 18–20).

27

Господи Иисусе! (нем.)

28

Дорогой мой (нем.).

29

От нем. Subalternoffizier – младший офицер.

30

«Петр сказал Ему [Христу]: Господи!.. Я душу свою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу свою за Меня положишь? Истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды». Когда же Христа взяли под стражу, Петр отрекся, «и тотчас запел петух» (Евангелие от Иоанна, XIII, 37, 38; XVIII, 25–27).

31

Послание к Римлянам св. апостола Павла, XIII, 1.

32

Банк, фараон, макао – карточные игры.

33

Вперед, отечества сыны!
Настал свободы день
(«Марсельеза»).

34

Марк Юний Брут (1 в. до н. э.) – возглавил заговор против Юлия Цезаря и принял участие в его убийстве.

35

Габриэль Бонно де Мабли (1709–1785) – французский философ и историк.

36

Вы грустны во хмелю, сударь! (франц.)

37

Иоганн-Генрих Юнг-Штилинг (1740–1817) – немецкий писатель-мистик.

38

Горус (Гор) – бог восходящего солнца в Древнем Египте.

39

Цитируется «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

40

Господа, вино откупорено, и надо его пить (франц.).

41

Цитата из оды А. Н. Радищева «Вольность».

42

Царевич Алексей Петрович.

43

Принц Иоанн Антонович.

44

Император Петр III.

45

Кн. Александр Борисович Куракин – видный государственный деятель и дипломат, воспитывался с Павлом.

46

Блез Паскаль (1623–1662) – физик, математик, религиозный философ, писатель.

47

Гнездышко еще теплое, стало быть, птичка недалеко (франц.).

48

Государь, мы пришли от имени родины.. (франц.)

49

Государь, благоволите немедленно подписать манифест об отречении (франц.).

50

Государь, будьте благоразумны, от этого зависит ваша жизнь! (франц.)

51

Снова (церковнослав.).

52

Ну, граф, что говорят о перемене? (франц.)

53

Говорят, князь, что вы были одним из римлян (франц.).

54

дай (церковнослав.).

55

«Силою Твоею веселится царь и о спасении Твоем радуется безмерно. ...Ты... возложил на голову его венец из чистого золота». (Псалом 20, 1, 4)

56

Торжественный полонез для хора и оркестра О. А. Козловского (1757–1831) на слова Г. Р. Державина (1743–1816).

57

Убийцы Петра III.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!